

А. Е. КУДРЯВЦЕВ.

## Ост-Индская Компания в эпоху Английской революции <sup>1)</sup>.

(1640 — 1649 г.).

### А. Е. Kudrjawzew: Die Ostindische Compagnie in der Epoche der englischen Revolution (1640—1649).

Die vorliegende Arbeit dürfte ein besonderes Interesse bei denen erwecken, welche die sozialen Grundlagen des Prozesses der „ursprünglichen Accumulation“.

in England erforschen. Der Verfasser hat sich die Aufgabe gestellt, die Protokolle der Ostindischen Compagnie und die Berichte ihrer Agenten durchzusehen und aus ihnen eine Reihe vorläufiger Beobachtungen zu gewinnen, um die sozialen Elemente festzustellen, die irgendwie in den ostindischen Handel hineingezogen wurden. Den Verfasser interessierte zugleich der Zusammenhang zwischen dem Anwachsen der Klein- und Großunternehmungen einerseits und dem Prozess der Ausbildung sozialer Gruppen im Verlauf der englischen Revolution andererseits. Sowohl nach seinem spezifischen Charakter, als auch nach seinem zeitlichen Umfang gestattet das benutzte Material noch nicht endgültige Ergebnisse, jedoch ist es geeignet, eine Reihe von Problemen hervorzuheben, die in der Fachliteratur bisher noch nicht berührt worden sind.

---

Ост-Индская торговля XVII века, составляющая одну из наиболее ярких страниц в истории „первоначального накопления“ европейского капитала, по своему значению для исследователя выходит далеко за пределы узко понимаемой экономики. Достаточно широко она трактовалась и современниками. Ост-Индский вопрос излюбленная тема английской экономической литературы и публицистики XVII века. Он не сходит со сцены в течение всего столетия, порождает горячие споры, нашедшие яркое выражение в памфлетах того времени. Вокруг него идет ожесточенная партийная борьба, и то или другое отношение к этой проблеме в различные моменты бурной английской истории XVII века так или иначе отражалось на партийных группировках. Чем шире и глубже разворачивается классовая борьба, переходя в „great rebellion“, тем острее разгораются страсти по вопросу о роли ост-индской торговли в деле умножения „национального богатства“ Англии. Даже в период гражданской войны, когда внимание борющихся сил отвлечено стремлением физически одолеть противника, — эта проблема сохраняет свой действенный характер, своеобразно преломляясь в событиях революционной эпохи, а со времени установления республики и протектората она вновь становится в центре общественного внимания, вызвав особенно острую партийную борьбу на рубеже двух

<sup>1)</sup> В основу этой статьи положен в переработанном виде доклад, прочитанный в декабре 1927 г. на заседании секции всеобщей истории Лен. Отд. Научно-Исслед. Института Истории.

столетий в связи с вопросом о ввозе из Ост-Индии хлопчато-бумажных тканей.

Становится совершенно очевидным, что ост-индская торговля XVII в., как факт экономический теснейшим образом связан с процессом оформления социальных группировок в Англии революционного периода и что рассматривать ее необходимо в рамках социальной истории. Новейшая историография только в самое последнее время, да и то довольно робко становится на этот путь изучения ост-индской проблемы. В трудах Скотта, особенно же Кхана и Томаса, о которых мне приходилось говорить в другом месте <sup>1)</sup>, мы находим уже ряд ценных, хотя и не вполне глубоких указаний на социальные моменты в процессе развития и утверждения одного из наиболее крупных и мощных капиталистических предприятий Англии. Если же обратиться к источникам, то стоит только заглянуть в многотомные коллекции протоколов Компании и донесений агентов, чтобы убедиться в том, насколько богат материал для освещения данной проблемы, и насколько односторонне и неполно он используется в новейших английских трудах. Можно с уверенностью сказать, что социальная история ост-индской торговли, столь важная для понимания характерных проявлений эпохи торгового капитала, еще не начата изучением. В настоящем очерке, являющемся лишь предварительной разведкой поставленной выше проблемы, взят для рассмотрения период, наиболее бедный фактами экономического порядка, но за то чрезвычайно богатый резкими проявлениями классовой борьбы, нашедшими отражение и в судьбах Ост-Индской Компании. Изучение данного периода должно послужить исходным моментом для уяснения классовых группировок послереволюционной Англии в связи с расцветом ост-индской торговли и разгоревшейся вокруг нее полемикой в конце XVII века и начале XVIII века. Отсутствие под руками памфлетной литературы, почти недоступной для русского исследователя, лишает возможности осветить затронутые в настоящем очерке проблемы с достаточной полнотой, но материал протоколов Ост-Индской Компании и донесений ее агентов <sup>2)</sup> позволяет во всяком случае эти проблемы четко поставить, что и является для автора основной задачей.

## I.

Канун гражданской войны застаёт Ост-Индскую Компанию в состоянии величайшей депрессии в связи с хозяйственным кризисом, охватившим страну и губительными проявлениями королевского самовластия в беспарламентский период правления Карла I. Тяжесть

<sup>1)</sup> См. „Историк-Марксист“, № 5. — „Ост-Индская компания — Англоголландский торговый капитал“. Историографический Обзор. Я, разумеется, не отрицаю важности изучения Ост-Индской торговли и в чисто экономическом аспекте. В частности должен отметить превосходную и обстоятельную работу, с которой удалось ознакомиться уже после появления в печати обзора, — Bal Krishna. Commercial Relations between India and England (1601—1757). London 1924. G. Routledge and Sons, LTD. Этот содержательный компендиум по экономической истории Ост-Индской Компании включает в себе ряд ценных приложений в виде цифровых таблиц и других материалов.

<sup>2)</sup> Издаются в настоящее время в двух сериях: „A Calendar of the Court Minutes etc. of the East India Company“ by E. B. Sainsbury with an introduction and notes by W. Foster и „The English Factories in India by W. Foster. Краткие сведения об этих сериях см. в моем обзоре. — „Историк-Марксист“ № 5, стр. 206—207. Что касается памфлетной литературы, — то для последних десятилетий XVII в. Основной материал уже имеется в ценнейшей коллекции Института Маркса и Энгельса в Москве. Период революции сравнительно слабо представлен в этом собрании.

положения усугублялась еще и тем, что Комиссия не находила поддержки и в общественном мнении тех кругов, которые играли руководящую роль в подготовке революции и, казалось бы, были кровно заинтересованы в умножении „национального дохода“ страны при посредстве колониальной торговли. Выпады против „монополистов“ становятся все чаще и ожесточенней и в первую голову обрушиваются на „The Honorable East India Company“, а доводы Мэна, Миссельдена и других защитников Ост-Индской Компании уже не имеют успеха в атмосфере назревающих бурных событий. Крупнейшее торговое объединение Англии, — предоставленное самому себе в критический момент своего существования, — делает, однако, в лице своих руководителей героические попытки довести до сведения и короля и его противников-парламентариев о бедственном положении Компании. В петициях и устных заявлениях деятелей Компании центральное место занимают два основных пункта: агрессивные действия голландцев в Азии и конкуренция „Ассоциации“ крупнейших купцов Лондона сэра Вильяма Куртена, сэра Поля Пиндара и придворного королевского Эндимиона Портера, снискавших благорасположение „Его Величества“ щедрыми субсидиями на королевские нужды.

В своих сетованиях на голландцев — руководители Компании исходили из незабываемых событий, имевших место еще в 1623 г. — когда произошло кровавое столкновение англичан с голландцами в Амбойне, — в результате которого англичане были изгнаны из „Островов пряностей“. Что касается „Ассоциации Куртена“, — то появление домашних конкурентов с 1635 года — явным образом нарушало привилегии Компании, оговоренные в королевской хартии и давало себя особенно остро чувствовать — к моменту приближения „смуты“ в Английском королевстве. Любопытно отметить, что Карл I, даря привилегию Куртену и его компаньонам, ссылается на пренебрежение Ост-Индской Компанией национальных интересов <sup>1)</sup>, а руководителей Компании одновременно утешает заверениями в своей неизменной милости и готовности оказать всяческую поддержку и покровительство делу преуспения ост-индской торговли. Однако, в сложившейся обстановке приходилось считаться не с уклончивыми обещаниями короля, а с вполне реальным фактом — появления на берегах Индийского Океана незваных пришельцев в целях заведения плантаций на Мадагаскаре и острове Маврикия и для торговых операций на Малабарском побережье, т. е. в самом центре владений Компании. Последствия этого факта не замедлили сказаться и дали повод к новым жалобам, столько же настойчивым, сколько и бесплодным. Получено было от агентов Компании сообщение о пиратстве кораблей новой ассоциации, — возглавляемых Коббом и Эйрсом. Хозяйничая в пределах Красного моря, — они наносили явный ущерб торговым сношениям Компании с Персией, предоставившей англичанам права „наибольшего благоприятствования“.

Такова общая обстановка, в которой очутилась Ост-Индская Компания к началу 1640 года. Протоколы Компании этого периода дают двоякую картину: огромных затруднений для торгового преуспения — дома, в пределах королевства и в общем благоприятной обстановки — для „накопления“ в далекой колонии — несмотря на засилье голландцев и агрессивные действия новых пришельцев.

<sup>1)</sup> См. подробнее об этой ассоциации у W. Hunter. A. history of British India, vol II, New impression. London. 1912, стр. 33 — 42, а также вводный очерк к I тому — „The Court Minutes“ etc. В. Фостера. Oxford. 1907 г., стр. V — XXXVI.

Яркую иллюстрацию этой двойственности и противоречия между возможностями и суровой действительностью дает протокол общего собрания пайщиков от 12 марта 1640 г. <sup>1)</sup> На нем заслушано было сообщение лорда Коттингтона, который по поручению короля заявляет Компании об изъявленной Его Величеством милости и добром намерении оказать поддержку „The adventurers“ в великом и важном деле торговли с Индией. Приняв в соображение представление Губернатора и депутатов Компании об утеснениях голландцев и пиратстве Cobb и Auges в Красном море и учитывая также громадную важность развития ост-индской торговли в интересах королевской казны, король изъявляет готовность дать Компании просимую сатисфакцию. В частности он обещает привлечь к суду упомянутых пиратов, издать распоряжение относительно беспрепятственного вывоза ост-индских товаров, аннулировать действие патента на о. Маврикия, ограничить права, предоставленные Вильяму Куртен. Король обещает возобновить хартию, подтвердив прежние привилегии и всячески настаивает на том, чтобы была объявлена подписка на образование нового капитала. На этом же собрании только что вернувшийся из Индии, — бывший президент главной английской фактории в Сурате — Mr. Methwold <sup>2)</sup> дает информацию, что в связи с голодом и чумой, положение в Индии создалось крайне тяжелое, но в настоящее время, после того, как прекратилась эпидемия, население вернулось в города, — в том числе прядильщики, ткачи, купцы и ремесленники; промышленных изделий имеется в изобилии и стоят они также дешево, как и раньше. После заключения мира с португальцами, — их порты открылись для англичан, расширилась торговля с Синдой, поставляющей индиго, calico (хлопч.-бум. ткань) и другие товары. Общее заключение докладчика таково, что индийская торговля никогда не находилась в таких хороших условиях (hopeful condition) как теперь.

Если сопоставить эту оценку положения с той, которая дается в донесениях других агентов, то она в основном совпадает. Обстановка в Ост-Индии на почве соперничества создавалась крайне напряженная, но общий тон пространных донесений оптимистический. Деятелям Компании удастся выговаривать у индийских королей и князьков исключительные привилегии ценою под час незначительных затрат на подарки <sup>3)</sup>. Жалуясь на засилья и оскорбления голландцев, они в то же

<sup>1)</sup> A Calendar of the Court Minutes etc. of the East India Company, vol II (1640—1643) стр. 23—27.

<sup>2)</sup> W. Methwold, — купец и неутомимый путешественник — 27 лет провел в Индии на службе у Компании, приобрел огромный опыт и оказав большие услуги Компании. В частности благодаря его усилиям было заключено англо-португальское соглашение, открывшее свободный доступ английским купцам в португальские владения в Ост-Индии. Начавши службу с молодых лет в качестве простого агента, W. Methwold — вернулся домой с большим состоянием. См. Hunter, указ. соч. vol II, стр. 149—150.

<sup>3)</sup> The English Factories in India, vol VI (1637—1641), стр. 182—183, 288—289. Агент из Масулипатана констатирует, что голландизм несмотря на их крупные платежи в виде пошлины и дорого стоящие подарки королю Голконды так и не удалось добиться тех привилегий в пределах королевства, какими располагают англичане. „Ведь то, чего желает этот король, замечает он дальше, не стоит больших денег — а именно: персидские лошади, английские дворовые собаки (mastifs), ирландские борзые собаки, спаниели, красивые широкие зеркала, кусок тонкого скарлату, малинового и фиолетового сатина, Их Величеств наших королей портрет, большой, в парламентском одеянии, хороший буйволоный кафтан, прелестная подзорная труба и увеличительное стекло, пара больших глобусов, комплект легких доспехов тонкой отделки и если возможно непробиваемый пулями. Вероятно иные сочтут все это неразумным: конечно, для того чтобы хорошо торговать, нужно иметь большой капитал; но большой или малый капитал вы имеете, и хотя бы вы аккуратно уплачивали пошлины, все равно подарки нужно давать. Иначе не житье будет среди этого народа“. В другом случае

время злорадствуют, когда голландцы чинят препятствия графу Саусгампону в его намерении колонизовать о. Маврикия и грозятся „задать трезвону“ капитану Беллю, если только он дерзнет высадиться на берег <sup>1)</sup>. Они с полным доверием и радостью принимают сообщение Компании о „милостивом намерении“ короля поддержать дела ост-индские и охотно верят упорным слухам, что подписка на новый капитал идет успешно <sup>2)</sup>.

Дела обстояли, однако, не так благополучно, как это представлялось издали не всегда бескорыстным, но во всяком случае энергичным и ловким агентам по накоплению ост-индского капитала. В Лондоне вопрос о выполнении королевских обещаний оставался открытым. Все попытки привлечь к суду „пиратов“, нарушавших привиллегии Компании оказались безрезультатны. Когда был созван в апреле 1640 г. „Короткий Парламент“ — явилась мысль обратиться в Парламент с петицией, но осторожные члены Компании предложили подумать о том, как отнесется король к такой апелляции к Парламенту, опорочивающему образ действий Его Величества <sup>3)</sup>.

Парламент вскоре был распущен, и вопрос об апелляции пока отпал, между тем как общая обстановка осложнялась. Король продолжал тянуть, отделяясь новыми заверениями и заботясь главным образом о том, откуда можно было бы пополнить пустеющую казну. В числе таких источников не последнее место занимала Ост-Индская Компания, на товары которой накладывались все новые и новые пошлины. Заседания Компании — сплошь, заполнены обсуждением вопросов, связанных с дальнейшей судьбой предприятия, в то время, как „ассоциация Куртена“ проявляла большую активность, снаряжая новые суда и хозяйничая в индийских водах на обоих побережьях Индостана и даже неподалеку от Сурата, куда по словам „декларации“ Компании, опубликованной в июне 1640 г., „англичане обычно направляют большую часть европейских товаров для продажи“. В той же декларации, покрытой многочисленными подписями, указывается, что „огромные пошлины налагаются на товары, ввозимые из Ост-Индии, особенно на перец и гвоздику, которые составляют главный предмет торговли. Субсидии и взыскания производятся теперь в три раза больше, чем прежде. И Компания не в состоянии конкурировать с соседними государствами, которых платят мало или ничего не платят“ <sup>4)</sup>.

Прибытие корабля из Индии несколько поднимает настроение, у немногих оптимистов. На общем собрании 26 июня 1640 г. Губернатор Компании объявляет, что надлежит „согласно обычаю воздать хвалу богу за благополучное прибытие домой из Сурата корабля

---

один из таких князьков заинтересовался вином и ему были посланы две большие бочки канарского и аллегантского вина. „Ждем со дня на день уведомления, как поправилось ему вино, чтобы приноровиться к его дальнейшим просьбам“, — замечает при этом агент и просит Компанию присылать побольше, так как для собственного потребления в Сурате „очень мало остается“.

<sup>1)</sup> „The English Factories“... vol. VI, стр. 282 — „...the Dutch would have rung a loud peal in Captain Bells eares if he had adventured to land there“.

<sup>2)</sup> Ibidem, p. 282.

<sup>3)</sup> „The Court Minutes“... vol. II, p. 35.

<sup>4)</sup> „The Court Minutes“ voll. II, p. 52 — 54. A Declaration of the Grievances of the East India Company напечатана здесь полностью. Приведенными в тексте словами она заканчивается: „...The great impost laid upon goods imported, from the East Indies, more especially upon pepper and cloves, the Companys principal commodities, the subsidy and impost being raised three times more than formerly; wheredy the Company is not able to go to market with neighbouring princes, in regard they pay little or nothing and so daily undersell the Company“.

„Discovery“ с большим количеством товара“; вскоре ожидается еще четыре корабля. Письма полученные из Ост-Индии удостоверяют, что „дела там находятся в надежном положении, как в отношении цен, так и количества всякого рода товаров“<sup>1)</sup>. В августе ожидавшиеся суда пришли, и Компания усердно занялась сортировкой, распределением и распродажей товара, при чем значительная часть перца предназначалась для вывоза в Италию. Несмотря, однако, на все благоприятные обстоятельства, подписка на новый капитал шла очень туго и руководителям предприятия приходится постоянно констатировать, что члены Компании „обескуражены и впадают в беспричинный страх“<sup>2)</sup>. На это пайщики вполне резонно отвечали, что для такого скептицизма есть веские основания. „Обещания со стороны короля и правительства давались неоднократно“, но искомой сатисфакции до сих пор не дано. „Оградный факт прибытия большого транспорта товаров из Индии не мог не вселять тревоги у проницательных людей, умевших разбираться в переживаемых событиях — и в психологии „Его Величества“. Опасения эти не замедлили оправдаться. В самый разгар торговых операций по размещению прибывших товаров, державная рука Карла I простерлась над главным богатством Компании, выгруженным в больших количествах с прибывших кораблей. С 22 августа 1640 г. ведет свое начало знаменитая история с перцем и тянется в течение всего бурного периода революции, капризно переплетаясь в событиях. И Карла I, виновника этой злополучной операции не стало на свете, а на заседаниях Компании все еще всплывает эта история, окончательно теряясь лишь в первые годы Реставрации. Английские историки не могли, разумеется, пройти мимо этого эпизода, как в зеркале отразившего всю глубину противоречий между „старым порядком“ и надвигающеюся революцией“<sup>3)</sup>, но в большинстве случаев авторы затрогивают его лишь вскользь или даже берут на себя миссию оправдать действия Карла I и подыскивают для него смягчающие вину обстоятельства<sup>4)</sup>. Между тем „история с перцем“ особенно в начальной ее стадии, чрезвычайно поучительна и заслуживает того, чтобы на ней подробнее остановиться.

Компания вынесла уже определенные решения относительно способа распродажи перца, — когда на заседании Правления 22 августа 1640 г. Канцлер казначейства лорд Коттингтон, ссылаясь на многие стеснительные обстоятельства короля, особенно в войне с шотландцами, — предложил от имени Его Величества купить весь перец, по цене, какую назначит Компания и подписать обязательство с уплатой в сроки согласно договору, добавив при этом, что Его Величество милостиво соизволил уважить просьбу Компании относительно смягчения взысканий. Застигнутый врасплох Губернатор не дал определенного ответа на это предложение, сославшись на то, что такая крупная операция требует согласия общего собрания, тем более, что задолженность Компании равна 250.000 ф. стерл, и перец предназначался на возмещение долга. Лорд Коттингтон поспешил тогда заверить в абсолютной реальности его предложения и изъявил готовность подписаться первым в качестве поручителя, а по поводу тех опасений,

<sup>1)</sup> Ibidem, p. 55 — 57.

<sup>2)</sup> Ibidem, p. 31 — 33.

<sup>3)</sup> См. Gardiner, History of England, vol. IX, p. 190, Scott. The Constitution and Finance of English, Scottish and Irish Joint-Stock Companies to 1720. vol. II, p. 46, 117, The Calendar of the Court Minutes etc. vol. II. Foster Introduction, p. XII — XIV. Его же статья в English Historical Review 1934. Suly.

<sup>4)</sup> См. Foster в указанных статьях.

какие могут возникнуть по мнению Губернатора у пайщиков решительно заявил, что это „rannick fears“ и что для подобной паники нет никаких оснований. В итоге собеседники договорились на том, что Его Высочество подождет с ответом до четверга, а перец будет задержан. На заседании Правления 26 августа после долгих дебатов предложение Лорда Коттингтона было принято, при чем большую роль в данном случае сыграл лорд Мэр Сэр Генри Гарвей, роялист по своим убеждениям. В тот же день состоялось и общее собрание пайщиков, которые далеко не проявили той готовности в этом деле, какая была налицо у руководителей Компании. Один из ораторов указал, что разумеется в данный момент у многих купцов есть возможность приобрести перец по цене более низкой, чем та, какую назначила Компания и он сам больше доверяет предложенным поручителям, чем стоимости перца, но все же „если Компания лишится возможности свободно продавать свои товары, она потерпит крах“. Дух сомнения и тревоги царил в этом роковом собрании и он ясно чувствуется даже в сухих и коротких протокольных записях. Чтобы рассеять тревогу руководителям собрания приходилось изощряться в аргументации. Указывали на то, что ничего другого не остается, как пойти на предложенную комбинацию, высказывалась надежда, что эта услуга доставит большое удовольствие королю и побудит его оказать Компании ту милость, о которой она раньше неоднократно просила. Приводился и такой довод: „ведь если бы какой-либо иностранец сделал бы подобное предложение, оно было бы принято, следовательно оно не может стать хуже для Компании от того, что эту сделку заключает король“<sup>1)</sup>.

Этот героический довод едва ли мог поднять настроение собравшихся, он скорее мог вызвать обратную реакцию. Во всяком случае когда наступил решающий момент и нужно было вынести определенное постановление, произошла большая заминка с вопросом о порядке голосования. Тайное голосование показалось бестактным по отношению к лордам — поручителям, голосовать открыто по столь деликатному вопросу многие, очевидно, не решались. Внесено было предложение предоставить решение этого вопроса Комитету, но последний не пожелал взять на себя такой ответственности. Вновь понадобились героические доводы со ссылками на тяжелое положение короля и опасность, угрожающую государству. После долгих пререканий Губернатор посоветовал принять предложение короля без всякого голосования, сознавшись при этом, что первоначально и его обуревали страхи, но по здравом размышлении он их преодолел. Участь перца была решена и сделка состоялась<sup>2)</sup>.

Продано было 2.310 мешков перца на общую сумму — в 63.283 ф. 11 шилл. 1 п. с уплатой в 4 срока. Купленный товар не долго залежался на складах и осенью того же года, был реализован на рынке с значительным убытком — за 50.626 ф. 12 ш. 1 п. — „в стеснительных обстоятельствах на содержание нашей северной армии“, как значитсся в письменном уведомлении самого короля. Между тем сроки платежей наступали и проходили один за другим, а деньги не уплачивались. Король время от времени подтверждал свои обязательства, не без давления Компании, которая угрожала возбудить иск против лорда Коттингтона и других поручителей и даже представить петицию в Пар-

<sup>1)</sup> The Court Minutes etc. vol. II, p. p. 79, 80.

<sup>2)</sup> The Court Minutes, vol. II, p. 82, 83, 126 и во многих других местах. См. Индекс ко II тому этого издания.

ламент. На заседаниях Комитета и на общих собраниях постоянно к этому делу возвращаются, но всякий раз для того, чтобы констатировать тщетность всех стараний добиться уплаты „*perpet money*“. Следить за всеми перипетиями этой истории нет необходимости, для нас важно было отметить ее начальный момент, дающий яркую иллюстрацию тех социальных противоречий, из которых рождалась революция.

Участники крупнейшего капиталистического предприятия в Англии самым наглядным образом убедились, в том, что дает делу „накопления“ королевское самовластье, но отсюда отнюдь не вытекало, чтобы деятели Компании, особенно же ее руководители решительно отмежевались от короля и превратились бы в горячих сторонников парламентских вольностей. В руководящем ядре Компании было не мало последовательных роялистов, что касается общей массы пайщиков, то их социальный и партийный облик трудно разглядеть сквозь деловые записи протоколов, но думается, что тщательное изучение имен и выяснение отдельных биографий, дало бы нам некоторые указания и по этому вопросу<sup>1)</sup>. Если же брать Компанию в целом, то накануне созыва Долгого Парламента она стояла на распутье, присоединив к прежним своим заботам, новую печаль об ускользнувшем в ненадежные руки Его Величества злополучном перце. Во всяком случае Компания с нетерпением ждет открытия парламентской сессии и решение наиболее важных вопросов приурочивает к этому моменту, усиленно подготавливая материалы на тот случай, если Парламент потребует отчета и объяснений, почему второй объединенный капитал в течение стольких лет не принес той выгоды, какая выпала на долю других.

Однако первые встречи представителей Компании с Парламентом не внушали больших надежд. На Компанию посыпались жалобы и петиции и нужно было давать ответ на них. 4 декабря Комитет жалоб вызывает Губернатора — по претензиям со стороны пайщика Джемса Кокса, 9 декабря получается известие о том, что в Парламент представлена петиция лондонских красильщиков, обвинявших Компанию в продаже индиго купцу Стефену Бертону. На это обвинение не трудно было бы ответить, поскольку подобные операции предусмотрены хартией, но в данный момент обстоятельства складывались не в пользу Компании, так как стали поступать заявления от многих купцов о том, что они не будут покупать у Компании и брать уже купленные товары до тех пор пока этот вопрос не будет разрешен в Парламенте. Наконец, один из виднейших членов Компании *Smithwick* затеял тяжбу из за неправильных денежных расчетов, указавши при этом, что в числе недовольных не он один. Дело дошло до скандала, когда в ответ на его петицию парламентом были затребованы все дела Компании для ревизии. Правда, — Компании удалось отстоять свои права на соблюдение „торговой тайны“, а беспокойный член и зачинщик этого дела за вызывающее поведение на собрании Комитета был даже вытолкнут за двери подоспевшим на подмогу сторожем, по все же и данный инцидент подвернулся совсем не к стати, и, конечно, не мог содействовать установлению добрых отношений с Парламентом<sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> В этом отношении обе серии источников дают благодарный материал. Протоколы Компании пестрят фамилиями купцов всех рангов и всякого ряда лиц, имеющих то или другое отношение к торговым делам. К сожалению в этом издании приведены только заголовки документов, представляющих для данного вопроса особый интерес. Это перечни лиц, приобретших у Компании товары — с указанием названия, количества и цены. В большинстве случаев они очень обширны, как это явствует из пометок в печатном издании.

<sup>2)</sup> *The Court Minutes etc.*, voll. II, p. p. 116, 117, 126, 156 (26. III. 1641), 157.

Между тем из Ост-Индии приходили новые тревожные вести о пиратской деятельности Эндимиона Портера, Томаса Кеннистона и Самуэля Бонниля в Красном море. Руководители Компании решаются с согласия общего собрания — представить петицию в Парламент, но об этом узнает Карл I и вызвав к себе Губурнатора — заявляет, что — „Портер не имеет касательства к этому делу, его именем только воспользовались, в действительности же — это акт Его Величества“; поэтому он советует петиции не подавать, а если она подана уже, то взять ее обратно. После долгих колебаний желание короля выполнили, петицию изъяли „в ожидании счастливого исхода, условившись“ с Карлом I, что он задержит отправку Куртеном в Ост-Индию новых судов <sup>1)</sup>.

Разумеется, и на этот раз обещания короля таковыми и остались, не подвинув дела ни на шаг вперед. Сделаны были даже попытки лично договориться с Куртеном, но долгие переговоры ни к чему не привели и пришлось только констатировать, что Компания бессильна отстоять свои привилегии. Со времени созыва Долгого Парламента в течение всего 1641 г. ей приходилось лавировать между королем и Парламентом. Если оставить в стороне монархическую настроенность многих членов Компании, то судьба „perreg-money“ во всяком случае заставляла считаться с особой Его Величества, усиленно набравшего армию для борьбы с мятежными подданными и готового оказаться несостоятельным должником. Если вспомнить о бурных событиях 1641 г., начиная с казни Страффорда и кончая „Великой ремонстрацией“ и заглянуть в Протоколы Компании за тот же период, то невольно бросится в глаза, как слабо отражалась в стенах „East India House“ то, что происходило за его пределами — в Парламенте и на улицах взбудораженного Лондона. Но все же „мятежные времена“ своеобразно, преломляясь сквозь собственные печали и заботы, дают себя чувствовать в этих скупых, деловитых, заполненных всякого рода коммерческими мелочами записях протоколов. Чем ближе к моменту открытой гражданской войны, тем определенной ориентация на Парламент, тем чаще разговоры о ремонстрациях и петициях. Компания усиленно собирает материалы, заказывает давнему защитнику своих интересов Мэну пересмотреть и дополнить составленную им еще в 1628 г. „ремонстрацию“ для напечатания в 400 — 500 экземплярах и представления в Парламент <sup>2)</sup>.

Она уже завязывает связи с парламентскими деятелями и имеет уже в нижней палате своих друзей, которым время от времени перепадает за „friendly offices“ некоторое количество стерлингов <sup>3)</sup>. Имя короля еще мелькает на страницах протоколов, но уже по одному только и вполне определенному поводу. Сроки уплаты „перечного долга“ все прошли, король на севере занят военными приготовлениями, находясь почти за пределами досягаемости и Компания настойчиво осаждает его поручителей, в частности лорда Коттингтона, который в свою очередь шлет умоляющие письма Его Величеству о том, что ему грозит разорение. Эта переписка идет в течение весны и лета 1642 г. \* король в качестве последней меры предлагает оценить все его парки, леса и заповедники на предмет продажи и возмещения долга <sup>4)</sup>. С оценкой дело затянулось, а тем временем началась гражданская война и непосредственные отношения с Карлом I прекращаются.

<sup>1)</sup> Ibidem, 5 и 18 янв. 1641, p. 128, 132,

<sup>2)</sup> Ibidem, 17. II. 1641., p. 14. 3.

<sup>3)</sup> The Contr inutes etc. vol. II, 23. II. 1463, p. 37.

<sup>4)</sup> Ibidem, vol. II, в апреле 1642 г., p.p. 245—248.

Ост-Индская Компания волею судеб оказалась по другую сторону фронта, хотя в течении почти двух лет имела своим руководителем — Сэра Генри Гарвея, приверженца короля, избранного на пост губернатора 26 ноября 1641 г. (большинством 42 против 25, поданных за Эльдермена Гэйре<sup>1)</sup>, т.-е. как раз в те дни, когда в Парламенте бушевали страсти в связи с принятием „Великой Ремонстрации“.

Приведенные выше факты с достаточной определенностью свидетельствуют о двойственной позиции руководящих деятелей Ост-Индской Компании в тот знаменательный момент, когда уже наметилась общая платформа революционной Англии в борьбе с королевским абсолютизмом. Не приходится удивляться тому, что крупнейший торговый капитал обнаруживал тяготение к королю. Это было неизбежно для монополистов, ставших предметом ожесточенных нападков со стороны тех общественных слоев, которые шли за Парламентом. Вспомним, что резко отрицательное отношение к монополиям составляет характерную черту „Великой Ремонстрации“. Но с другой стороны любопытно отметить, что даже у крупных монополистов, каковыми были заправилы Ост-Индской Компании возникают опасения, стоит ли им связывать свою судьбу с „королевским делом“. История с перцем служит тому наглядным примером. К сожалению для нас еще не ясен социальный облик того обширного круга лиц, которые так или иначе были связаны с ост-индским торговым предприятием. Здесь необходим ряд детальных изысканий — для установления основного ядра Компании и более широкого окружения, но уже на основании отдельных и разрозненных фактов, приведенных выше можно сказать, что и в среде Компании не было единомыслия по многим существенным пунктам. Такое именно впечатление оставляют прения по поводу злоупотребления перцем, но особенно поучительны цифры голосования при избрании на пост Губернатора роялиста Генри Гарвея. В этом случае избиратели не проявили обычного для них единодушия и роялистский кандидат прошел незначительным большинством. Если бы удалось более или менее точно установить социальный состав пайщиков Компании, то отмеченные выше двойственность позиции ее руководителей в столь решающий период английской истории были бы до известной степени выяснены, но и дальнейший ход событий проливает свет на эту проблему. Каковы бы ни были намерения влиятельных членов Компании, события развернулись так, что Компания очутилась в парламентском лагере борьбы.

## II.

В обстановке гражданской войны трудно было строить широкие планы на будущее и руководители Компании, обсуждая глубокой осенью 1642 года проект организации очередного транспорта в Ост-Индию предстоящей весной, вынуждены были перейти на систему „отдельных путешествий“, отказавшись от мысли создать предприятие с постоянным и единым капиталом. Рассчитывать на поддержку Парламента не приходилось; здравомыслящие люди указывали при этом, что „нынешняя смута препятствует этому, да и не время теперь беспокоить Парламент делами такого рода“. Даже и в эти критические времена финансовые предположения Компании не лишены были известного оптимизма. На общем собрании 15 октября 1642 г. — сообщается о благополучном прибытии 3 больших кораблей. Прикидывая возмож-

<sup>1)</sup> Ibidem, p. 214.

ные барыши, губернатор заключает, что дела уже не так плохи. Можно продать остатки товаров от предшествующего транспорта, возможны поступления от Голландцев за причиненные убытки и от короля за перец. Долги будут уплачены, страна тем временем успокоится и коль скоро „the distractions at home“ будут улажены, то будет больше оснований надеяться на поддержку Парламента <sup>1)</sup>.

Этому официальному оптимизму не суждено было оправдаться. Гражданская война только еще начиналась и сулила Ост-Индской Компании суровые испытания. Очень скоро и ей пришлось почувствовать на себе неотвратимую силу революции. Поведение руководящего ядра Компании в эти суровые времена чрезвычайно поучительно. Особенно наглядно оно сказалось в эпизоде с пушками. Уже в ноябре 1642 г. от имени Комитета Безопасности королевства было предъявлено требование об отдаче всех пушек, принадлежащих Компании — для защиты города. Через несколько месяцев это требование было повторено — в виде предложения одолжить „некоторое количество пушек для укрепления вновь сооруженных бульварков, так как Тауэр не может снабдить ими в должном количестве“. На общем собрании 8 марта 1643 года это предложение сочувствия не встретило. Указывалось, что „Компания сама нуждается в пушках, а излишек, если бы его продать, дал бы значительную сумму, которой можно было бы покрыть часть долга; да кроме того, — ведь каждый из присутствующих и без того платит кое-что на устройство названных укреплений“. Решено было единогласно (unanimously) пушек не отдавать. 10 марта Комитет безопасности повторил свою просьбу и за ответом явились члены Парламента Кендрике, Кристофор Пакке (оба впоследствии сторонники Кромвеля) и В. Ноуэля. Им было сообщено решение собрания. При этом было добавлено, что если бы Комитет пожелал бы приобрести несколько пушек, то их можно было бы уступить по самой дешевой цене. 28 марта представлено было новое требование от Палаты Общин относительно пушек, но Правление ответило категорическим отказом, ссылаясь на прежнее постановление. Наконец, 7 апреля еще одна депутация из Парламента по тому же делу — и опять тот же отрицательный ответ, но на этот раз — представитель Компании добавил: — „чтобы доказать, насколько Правление готово действовать в согласии с Парламентом, оно созовёт Общее Собрание и там этот вопрос будет пересмотрен“. 12 апреля Собрание было созвано, причем М-р Депутат, излагая дело, установил, что Комитет по фортификации располагает властью взять эти пушки, если Компания откажется их ссудить. Предложено было высказаться, но все упорно молчали, а когда вопрос был поставлен на голосование, то требование Палаты было вновь отвергнуто <sup>2)</sup>.

Столь малая готовность принести жертвы на алтарь отечества, не мешала, однако, Компания обращаться к Парламенту с просьбами о помощи в виду „the distraction of times“. Корабли с ост-индскими товарами продолжали прибывать, но наибольшие опасности их ждали у родных берегов, так как соседние моря кишели пиратами. Всякий раз Компания настойчиво просила выслать навстречу парламентские суда для конвоирования в наиболее опасных местах. И эти просьбы выполнялись.

В 1643 г. гражданская война уже в полном разгаре. Долгий Парламент, выполняя свою революционную миссию, вносит расстрой-

<sup>1)</sup> Ibidem, 276—278.

<sup>2)</sup> The Minutes etc. vol. II, p.p. 309—311, 314, 315—317.

ство и в ряды руководителей Компании. Идет усиленная чистка Лондона от роялистов, сопровождавшаяся конфискациями имущества, она, разумеется, не могла не коснуться и Ост-Индской Компании. С 23 июня 1643 г. начинает поступать ряд требований от Комитета по секвестрации о наложении ареста на имущества, принадлежащие членам Компании — роялистам. Первый удар обрушился на сэра Пэтера Ришо, одного из наиболее ярых приверженцев королевского дела <sup>1)</sup>.

За этой жертвой последовали и другие.

Сошел со сцены и Губернатор Компании — Сэр Генри Гарвей, занимавший ту же должность в Турецкой и других Лондонских Компаниях и уволенный по требованию Парламента. На годовом собрании 5 июля взамен его избрали Вильяма Коккейн, крупного купца, ведшего обширные торговые дела в Турции<sup>2)</sup>. В Протоколах Компании за 1643 год имеются сведения о секвестрации имущества целого ряда крупных пайщиков — сэра Томаса Хэмерслей, Чарльза Кукса, Роберта Гардинера, сэра Николас Криспа <sup>3)</sup>. Кроме того обоими палатами издается распоряжение, категорически воспрещавшее выдавать какие бы то ни было товары пайщикам без предварительного уведомления о каждом отдельном случае Комитета по Секвестрации <sup>4)</sup>.

Помимо конфискации капиталов — опальных членов Долгий Парламент продолжал беспокоить Компанию и другими требованиями, неукоснительно взимая пошлины и налагая специальные взыскания по отдельным поводам. 22 ноября поступило требование дать займы 10.000 ф. ст. на поддержание флота. На эту сделку пошли, снизив сумму до 6.000 ф. ст. Вопрос о пушках, которые в конце концов были уступлены, вновь стал предметом переговоров. Комитет по фортификации настаивал на том, чтобы пушки, принадлежащие Компании, — не брались обратно и готов был даже уплатить за них, но только через некоторое время, ибо в данный момент ощущалась большая нужда в деньгах. Компания в свою очередь заявляла, что ей эти пушки нужны для собственных кораблей и если уже их продавать, то „по разумной цене“ (at a reasonable prices), ибо деньги тоже очень нужны. И вновь напомнили, что каждый пайщик и без того несет персональные расходы по укреплению города и поэтому двойная нагрузка была бы несправедлива <sup>5)</sup>.

Письмо, посланное Компанией в Сурат в ноябре 1643 г. как бы подводит итоги всему пережитому за первый год гражданской войны. „Таковы наши надежды и пожелания, читаем мы там; хотим верить, что мы не обманемся ни в одном из них. Но все же мы полны опасений, в состоянии ли мы будем их осуществить в эти тревожные времена, когда вся торговля в королевстве пришла в крайний упадок вследствие нашего несчастного разделения дома, что да приведет господь по милости своей к благому концу. У нас скверная торговля и недостача в деньгах, а в остальной Европе немногим лучше; там также тревожно: идет или внешняя, или домашняя война. Вследствие этого денег не так легко добыть, как раньше“ <sup>6)</sup>.

<sup>1)</sup> Ibid. 23. VI 1643, p. 328—329.

<sup>2)</sup> Новый Губернатор взял твердый курс на сближение с Парламентом и бесценно руководил Компанией в течении 15 лет. Подробнее о нем см. Hunter, указ. соч. vol. II, p. 148—149.

<sup>3)</sup> Contr. Minutes... vol. II, p.p. 328—329, 346, 350, 356, 357, 358, 360.

<sup>4)</sup> Ibidem, p. 351.

<sup>5)</sup> Ibidem, A general court, 26 november 1643, p. 365 — 366, Court Minutes vol. III 7 jan 1644, p. 7.

<sup>6)</sup> The English Factories in India, vol. VII. The Company to the President and Council at Surat, November 27 1643., p. 125. В переписке агентов Компании между собой

„Несчастное разделение дома“ и смутные времена не могли не отражаться самым ощутительным образом на делах Ост-Индской Компании. В первые годы гражданской войны приходилось прежде всего считаться с наличием революционной власти в стране. После произведенной чистки роялистов и смены руководителя—создались известные возможности для установления добрососедских отношений с Долгим Парламентом, поскольку — если не Ост-Индская Компания сама по себе, то во всяком случае Ост-Индская торговля вообще не могла не интересоваться партию пресвитериан, игравшую руководящую роль в событиях первой половины 40-х годов. Очугившись волею судеб по сю сторону революционного фронта, Компания была поставлена в необходимость соблюдения лойяльных отношений — с Парламентом и революционными учреждениями. Мы видели, что пределы этой лойяльности были строго ограничены и что основное ядро Компании даже к вопросам обороны и организации войны подходило с коммерческой точки зрения. На материальные жертвы во имя революции смотрели, как на печальную необходимость, но эти жертвы, тщательно взвешенные и переведенные в плоскость коммерческих сделок — не были наилучшим злом. Сетования купцов английских в эпоху революции далеко не всегда следует принимать за чистую монету. Тем более это верно в отношении Ост-Индской Компании. Выход из затруднений внешнего порядка всегда находился. Просимая Парламентом в кредит сумма — была значительно урезана и уплачивалась частями, да и то после напоминаний со стороны „парламентских людей“, взамен пушек, уступленных Комитету обороны по „разумной цене“ были куплены новые у крупного предпринимателя Джемса Мартина, — постоянного оптового скупщика ост-индских товаров, — в особенности же индиго, хлопчатобумажных тканей (*calico*) и хлопка<sup>1)</sup>. Даже жалобы на недостаток звонкой монеты, имевшие за собой основания, не звучат так катастрофично, если мы обратим внимание на мероприятия Компании по изысканию денежного фонда. Нужда в монете временами ощущалась очень остро, но деньги доставали, хотя и с большими усилиями. За границей, — в частности

---

имеется ряд указаний на внешние условия торговли в Англии за этот период. Так, напр., в письме от 26 августа 1644 г. читаем: с „Криспианы“ (Корабль, Ост-Индской Компании А. К.) мы узнали об условиях и состоянии нашей несчастной страны; в связи с операциями королевских судов расстройство ежедневно усиливаются и настолько, что Scily, Fomouth, Dartmouth, Wauymanth, Briston и другие значительные порты и места Англии оказались (к моменту отбытия Криспианы) под властью Его Величества и в распоряжении его слуг; Плимут также был осажден. Подданные, лишённые его покровительства, предоставлены на грабёж и добычу людям нашей собственной и других наций. Западная часть Англии вся кишит пиратами, англичанами, дюнкерхерцами и другими и для обыкновенного судна мало гарантии в безопасности, настолько (мало), что наши Почтенные Наниматели... склоняются к отдельным путешествиям“, *Ibid.*, p. 188.

<sup>1)</sup> В настоящем очерке мы не затрагиваем вопроса о размерах Ост-Индской торговли и удельном весе отдельных товаров. В указанной вначале монографии Bai Klishna история торговых сношений разработана достаточно подробно, но все же не можем не указать, что и здесь можно было бы произести ряд любопытных наблюдений. В протоколах Компании постоянно попадаются перечни названий проданных товаров. Пряности занимают в них доминирующее положение, но упоминания о „calico“ очень часто мелькают. Компания имела даже особое помещение для хлопч.-бум. тканей, под охраной особого лица. Эти товары закупались часто оптом, а кроме того охотно привозились домой служащими Компании в качестве приватного груза. Если вспомнить о той роли, какую стали играть хлопчатобумажные ткани в конце столетия, то сам собою возникнет вопрос — когда же именно наступил перелом и пряности начали отступать перед восточными тканями? Думается, что даже в этих фактах чисто экономического порядка должны быть учтены моменты социальные. Социальная история таких излюбленных объектов торговли XVII в., как перец, индиго, табак, хлопчатобумажные ткани, позднее сахар, хлопок — это любопытнейшие страницы в общей истории первоначального накопления.

в Испании—агенты деятельно изыскивали валюту и снабжали ею Компанию. Кроме того — вывоз перца и других пряностей в Италию, также открывал некоторые возможности.

Главная беда Ост-Индской компании заключалась не во внешних затруднениях, как бы они не были ощутительны, а в отсутствии государственной поддержки и фактическом прорыве твердыни ее монопольного положения на рынке в отношении ост-индских товаров. Прорыв этот произошел еще во времена беспарламентского правления Карла I, — а революция, с ее сложными классовыми взаимоотношениями еще более расширила ту брешь, в которую стихийным потоком ворвались частное предпринимательство и контрабанда. Крупнейшему торговому объединению в Англии приходилось разрешать трудные финансовые и хозяйственные проблемы на собственный риск, не рассчитывая на твердую поддержку Долгого Парламента, в котором сидели не только доброжелатели Компании, но и ее многочисленные противники. Даже в таком вопросе, как королевская операция с перцем, казалось бы способная возбудить активный интерес у „Парламентских людей“ в разгар борьбы с „Его Величеством“, — Ост-Индская Компания была предоставлена самой себе. В январе 1644 г., — подготовляя отправку в Ост-Индию четырех судов и нуждаясь в деньгах руководители Компании вспомнили о „perpet meo“ и предъявили иск к поручителям — сэру Полю Пиндару, сэру Джобу Гэрби и сэру Джону Нюлс. Названные „кавалеры“ (Knights) стали выгораживать себя, ссылаясь на то, что это в действительности не их долг и что они были втянуты в сделку в интересах короля (for the Kings occasion). Они надеются в ближайшем будущем получить вести из Оксфорда и намерены серьезным образом побеспокоить короля и лорда Коттингтона касательно этого дела. Спустя неделю им удалось представить письмо короля, адресованное Компании. О чем именно писал Карл I, — в протоколе заседания комитета не указывается, но после долгих дебатов было постановлено, — „чтобы не причинять Его Величеству какого-либо неудовольствия, „настаивать лишь на уплате процентов, а с самым долгом повременить, в надежде, что король или лорд Коттингтон найдут какие-либо способы удовлетворить Компанию“. 10 и 14 апреля — вопрос о долге снова всплывает и Комитет в виду невыполнения обязательств поручителями, решаются вчинить против них иск. В августе того же года в связи с обсуждением вопроса о долгах „делинквентов“ Комитет вновь вспоминает о „перечном долге“, затрудняясь как эту задачу разрешить — возлагать ли ответственность на одного только лорда Коттингтона или же притянуть к этому делу сэра Джона Гаррисона. Решения никакого не было вынесено, а 8 ноября было сообщено, что иск против поручителей вчинен, но последние подали петицию в Парламент с просьбой помочь им распутаться с королевским долгом. Парламент хотя и с большим запозданием издал приказ, освобождавший поручителя от обязательств и Компании оставалось только рассчитывать на земли лорда Коттингтона, на что потребовалось разрешение Парламента. Последний, однако, не обнаруживал большой склонности идти навстречу домогательствам Компании, которая употребляла героические усилия, чтобы так или иначе добиться искомой сатпефакции, и всякий раз безрезультатно<sup>1)</sup>. Столь же бесплодны были попытки Компании распутаться с огромной задолженностью своих членов, подвергнувшихся секвестрации. Как видим, финансовые взаимоотношения внутри Ком-

<sup>1)</sup> The Court Minutes etc. vol. III (1644—1649), p. p. 2, 8, 20, 41, 49.

пании очень часто пролагали путь в Вестминстер, но возникавшие отсюда поводы для общения с „парламентскими людьми“ были не таковы, чтобы между ними мог установиться общий язык и по вопросам более существенным, касавшимся привилегий Компании.

Останавливаться более подробно на всех перипетиях этих взаимоотношений нет необходимости. Достаточно установить лишь основной факт: в руководящих кругах Долгого Парламента притязания Ост-Индской Компании не находили живого отклика. В ноябре 1644 г. представителя Компании, явившегося подать петицию о засилии частных предпринимателей, даже не допустили в Нижнюю Палату и пришлось ограничиться рассылкой копий петиции наиболее видным членам Парламента <sup>1)</sup>. Между тем повод, по поводу которого руководящие верхушки Компании решились обеспокоить лидеров парламентских в самый неподходящий момент, имел за собою с точки зрения интересов крупного капитала очень веские основания. Не только Ассоциация Куртена благополучно и безвозбранно продолжала свою деятельность, не без успеха хозяйничая в индийских водах, но широко развилась частная, индивидуальная торговля, уследить за которой не было никакой возможности. С Куртеном и его компаньонами приходилось до поры до времени считаться как с неизбежным злом. Любопытно, что даже в эти бурные времена Компании удалось изловить агентов Куртена — капитанов Вильяма Эйрс (Ayres) и Кобба, пиратствовавших в Красном море в течение ряда лет и посадить их в тюрьму. Их потом выпустили на поруки, взявши обязательство не ездить в Индию без ведома и согласия Компании <sup>2)</sup>. Ассоциация Куртена, несомненно, наносила существенный ущерб Компании, но это был враг видимый, с которым можно было в зависимости от обстоятельств или устанавливать „худой мир“ или же открыто бороться. Но как было уследить за стихией частного единоличного предпринимательства, за тем широким потоком маленьких людей, которые ехали на кораблях Компании в качестве капитанов, служащих, священников, матросов и прочего люда и изо дня в день незримо и втайне (*secretly*) занимались собственным накоплением за счет организованного накопления их „почтенных нанимателей“? Попытаемся собрать во-едино разрозненные наблюдения над этим процессом „частного“ накопления, поскольку он нашел себе отражение в протоколах Компании и в донесениях ее агентов. Если наши наблюдения в сумме своей окажутся и недостаточными для определения удельного веса частной торговли в общем процессе накопления, то они во всяком случае помогут нам вскрыть социальный смысл этого явления.

В первый год существования Долгого Парламента и накануне гражданской войны частная торговля („*the private trade*“) еще не составляет „злобы дня“. Провоз на кораблях Компании строго ограниченного количества товара с освобождением от уплаты фрахтовых денег составлял привилегию каждого служащего, которая впрочем оговаривалась в каждом отдельном случае. Руководители Компании зорко следили за своими подчиненными и неукоснительно боролись с „злоупотреблениями“, удерживая до поры до времени часть жалованья и пресекая в корне попытки частных торговых операций. Когда жена шкипера Томаса Стивенса обратилась в Комитет с ходатайством освободить от пошлины „*calico*“, доставленный ее мужем на корабле „Мария“, ей было отказано на том основании, что названный Стивенс

<sup>1)</sup> The Court Minutes etc. vol. III, p. 50.

<sup>2)</sup> Ibidem, p.p. 23, 24, 51.

в бытность свою командиром „Лебеда“ пытался провезти хлопчатобумажную ткань тайно и был в этом уличен<sup>1)</sup>. Особе более почтенной пастору корабля „Лондон“ м-ру Коттон в дополнение к его жалованью (50 фунтов в год и 10 ф. на приобретение священных книг) разрешено провезти домой некоторое количество индиго беспошлинно в качестве частного груза, но с напоминанием о том, что в прошлый раз мистер Коттон позволил себе торговать привезенным товаром, а это составляет привилегию Компании. Почтенный пастор сослался на свою неосведомленность и дал обещание впредь такими сделками не заниматься<sup>2)</sup>. Насколько простиралась неосведомленность священника мы не знаем, но корабль „Лондон“, на котором он неоднократно совершал рейсы в восточные страны был ареною и более широких и скандальных операций, как это явствует из протоколов Компании. На заседании Комитета 22 июня 1640 г. было сообщено, что при осмотре прибывших в Доуэр трех судов („Лондон“, „Вильям“ и „Реформация“) обнаружено большое количество частного груза. Решено было это дело тщательно расследовать. Из протокола Комитета от 14 октября мы узнаем, что на служащих „Лондона“ и „Открытие“, уличенных в провозе „калик“ и индиго наложено денежное взыскание<sup>3)</sup>. Далее выяснилось, что на корабле „Лондон“ в ту же поездку оказалась контрабандная партия сукна, неизвестно кому принадлежавшая. Это обстоятельство тем более обеспокоило Компанию, что сукно составляло базу для торговых операций между Суратом и Масулипатомом с одной стороны и южным побережьем с другой, откуда доставлялся перец для Европы<sup>4)</sup>. В связи с поступившим запросом из Сурата предполагалось снарядить „Лондон“ для очередного рейса и отправить на нем партию сукна. По этому делу был допрошен капитан корабля Уиллс и другие служащие, заявившие, что они не знают кому именно этот груз принадлежал. Один из членов Комитета сообщил во время допроса, что по слухам часть товара является собственностью некоего лица, присутствующего на данном собрании Комитета. Тогда Губернатор потребовал, чтобы каждый из находящихся на заседании во имя присяги, принесенной Компании, открыто заявил, имеет ли он какие-либо сведения или заинтересованность в этом деле. Таковых не оказалось. На следующем заседании Комитета (4 декабря 1640 г.) капитан Уиллс, которому было предложено принять все меры к обнаружению собственника груза, уведомил, что все его старания не увенчались успехом. Это заявление не удовлетворило Комитет, так как казалось немислимым, „чтобы такое большое количество товара могло быть взято с корабля без попустительства или беспечности“ со стороны капитана<sup>5)</sup>. Последний в конце концов был смещен, а „Лондон“ отправился весной 1641 г. в далекий путь под командой Прауда<sup>6)</sup>. Вернулся он из плавания вместе с другим

<sup>1)</sup> The Court Minutes etc. vol. II, 6. V. 1640 г., p. 39.

<sup>2)</sup> The Court Minutes etc., vol. II. 17. II. 1641, p. 143—144.

<sup>3)</sup> Ibidem, p.p. 67—68.

<sup>4)</sup> Следует еще при этом учесть, что опасными соперниками англичан по торговле сукном были голландцы, которые предлагали на Востоке товар лучший по качеству и более дешевый по цене. На этом спекулировали и частные торговцы—англичане. Между тем вопрос о выв. за границу и в колонии английского сукна был одним из сильных аргументов в защиту Ост-Индской торговли. Именно этим аргументом Мэн и другие апологеты Компании парировали нападки его противников, за вывоз благородного металла из королевства.— См. Bal Krishna. Указ. соч., стр. 107—109. Khan The East—India Trade—Chapter I, passim.

<sup>5)</sup> Ibid., p.p. 98.

<sup>6)</sup> Ibid., p. 119.

судном („Вильям“) весной или летом 1642 г. и на бирже распространились упорные слухи, что на обоих судах прибыло много частного товара, к которому имеют касательство некоторые из членов Комитета. Когда об этом было сообщено на заседании Комитета, то Губернатор, Депутат и все члены добровольно поклялись в том, что никакого приватного товара они не имеют на этих судах и что они ничего не посылали, чтобы добыть его. После длительного расследования, один из виновников был обнаружен. Таковым оказался казначей судна Вильям Хэрт, вернувшийся, впрочем, уже в качестве частного лица по собственному желанию. Он сознался, что действительно взял два куска тонкого сукна, некоторое количество „перпетуаны“ (крепкая шерстяная материя) и... водки, но в Сурате он „к прискорбию своему видел так много выгруженного сукна, что все люди известного ранга (of any quality) на „Лондоне“ имели кое-что“. Об этом он первый донес Президенту Фактории Фремлину, а по прибытии своем в Англию он узнал, что командир корабля „Discovery“ Эллисон, один из его штурманов, а также боцман Томас Фолконер имели сообща до сотни кусков сукна. Хэрт сознался также и в том, что по возвращении домой он продал 120 кусков „calico“ некоему Стьюарду в Корнхилле, упорно отрицая, что у него было гораздо больше ост-индского товара <sup>1)</sup>.

Уже эта краткая история плаваний по индийским водам корабля „Лондон“ дает достаточное представление о характере и даже размерах „частного накопления“. Можно было бы привести ряд подтверждений тому, что случай с „Лондоном“ далеко не единичен, что здесь мы имеем дело с массовым явлением, приобретающим по мере развертывания гражданской войны угрожающий характер для Ост-Индской Компании. На заседаниях Комитета и на общих собраниях к вопросу о борьбе с частной торговлей постоянно возвращаются; прилагаются энергические усилия к тому, чтобы этот возрастающий поток „незаконного“ накопления задержать и пресечь. В первую очередь издается общее постановление, что в виду огромного ущерба, наносимого широко распространившейся практикой частной торговли, в особенности, когда в нее вовлечены факторы, — последним воспрещено заниматься таковой и во время путешествий и на месте в Индии <sup>2)</sup>. Издавать подобное же распоряжение в отношении командиров и экипажа кораблей было явно утопичным и Компания продолжала свою прежнюю практику строгого нормирования количества провозимого груза и контроля над соблюдением установленных правил <sup>3)</sup>. Поскольку речь шла о контроле в пределах Англии, то задача эта разрешалась сравнительно просто. К моменту прибытия судов в порт командировались доверенные лица, которые зорко следили за выгрузкой товара, не допуская к кораблям никого из посторонних лиц <sup>4)</sup>. Прибывшие на судах служащие во главе с командиром должны были давать полный отчет и представлять списки приватного груза <sup>5)</sup>. Не приходится удивляться тому, что все эти и другие мероприятия не достигали желаемой цели. Соблазн единоличной наживы был слишком велик, чтобы от него могли удержаться даже и заслуживающие доверия лица, приносившие торжественные клятвы на заседаниях в том, что они в таком любостыжании неповинны. Но если в самом

<sup>1)</sup> The Court Minutes etc. vol. II, p. 271—2, 294—295.

<sup>2)</sup> Ibidem, p. 202.

<sup>3)</sup> Ibid., 286.

<sup>4)</sup> Ibid., p. 280, 288, 327, 332 и во многих других местах.

<sup>5)</sup> The Court Minutes etc. vol. II, p. 269, 270, 291.

Лондоне еще возможна была борьба с частной торговлей, то она была сильно затруднена на широких просторах Океана, где даже „пастыри душ“, проповедывавшие на судах и в факториях „слово божие“, далеко не всегда могли противостоять искушению легкой наживы. Что же можно было сказать о „пастве“, особенно же о матросах и всем низшем персонале? На заседаниях Комитета постоянно раздаются жалобы на контрабандную торговлю „maginers“, которая принимала огромные размеры и наносила явный ущерб интересам Компании.

Насколько успешны были попытки положить предел этому мелкому предпринимательству, красноречиво свидетельствует один любопытный эпизод, разыгравшийся в 1641—2 г.г. и оставивший после себя долгий след в летописях ост-индских факторий. В октябре и ноябре 1641 г. на заседаниях Комитета усиленно обсуждался вопрос о ближайших мероприятиях, касающихся отправки судов в Индию. Находясь в стесненных условиях, Компания уже перешла на систему „отдельных путешествий“. После долгих дебатов решено было отправить предстоящей весной небольшую флотилию, а кроме того в спешном порядке, не ожидая весны, послать на Коромандельский берег с заездом в Персию корабль „Hopewell“, назначив фактором пайщика и давнего служащего Компании Фрэнсиса Дэя, а командиром опытного в морском деле и энергичного „мастера“ Эндрию Трэмболла. Компания придавала этой экспедиции особо важное значение и сочла необходимым детально договориться с обоими лицами. Первый из них на запрос об условиях найма потребовал жалованья 200 фунтов в год и разрешения на привоз частного груза стоимостью до 100 ф. Комитет, приняв в соображение огромный ущерб, наносимый практикой частной торговли Компании, особенно когда ею занимаются факторы, единодушно („unanimously“) постановил, что отныне частная торговля для факторов воспрещена, а упомянутому Фрэнсису Дэю в качестве компенсации предложить удвоенное жалование с предупреждением, что в случае нарушения условия о частной торговле, будет конфисковано не только его жалование, но и пай. С Эндрием Трэмболлом был заключен особый договор. Ему было предписано соблюдать величайшую бдительность и пресекать в корне всякую попытку к частной торговле. В специальной инструкции, выданной ему, значилось, что он должен иметь строгое наблюдение за матросами, за складами, провизией и приватным товаром, погруженными на его судне. Было также оговорено, что никто не может быть „ни принят на борт корабля, ни высажен в какой-либо фактории без ведома и согласия Компании“<sup>1)</sup>.

Условия эти были приняты и 31 декабря 1641 г. корабль „Hopewell“ отправился в далекий путь, прибыв к месту назначения лишь 14 августа 1642 г. С этого момента и начинается длинная и противоречивая эпопея, героями которой оказались не только оба доверенные лица Компании и судовая команда, но также и значительная часть агентов на местах. Между Дэем и Трэмболлом с самого начала пошли нелады, закончившиеся крупным скандалом, который взбудоражил весь служилый мирок в индийских факториях и докатился затем до недр Комитета „Почтенной Ост-Индской Компании“. Из „Декларации о некоторых случаях и наблюдениях, представленной Трэмболлом“<sup>2)</sup>, мы узнаем ряд любопытных подробностей о том, как дей-

<sup>1)</sup> Ibidem, p.p. 202—203, 214—215.

<sup>2)</sup> The English Factories in India v. VII (1642—1645), p.p. 71—77.

ствовавали доверенные Компании лица, очутившись за пределами досягаемости. „По прибытии в Гомбрун 7 марта 1643 г., рассказывает автор декларации, товары Компании были переданы агенту, но было также и „salico“, принадлежащее Фр. Дэю. Для распродажи товара он (выйдя первым на берег) занял помещение бок о бок с Вашим, переправил туда свой груз и поручил маклерам вести торговлю и заманивать к нему купцов; благодаря таким мерам его дом (обширный сам по себе) был так набит покупателями, что, если бы мне понадобилось поговорить с ним насчет отправки корабля или насчет провизии, то пришлось бы брать с собою двух людей и расчищать дорогу через это сборище или базар, прежде чем добраться до него; он сидел посреди раскрытых тюков, получая деньги, отпуская ткани. Мало того, к себе на подмогу он взял Томаса Кларка, моего помощника, казначея и еще двух людей с других кораблей и держал упомянутого Кларка до тех пор, пока не распродал всего товара, лишив меня возможности использовать последнего для снаряжения судна в Ормуз“. Как явствует из донесения, операции Фрэнсиса Дэя развернулись чрезвычайно широко, и в откровенную минуту он сам признал, что частная торговля не идет ни в какое сравнение с его жалованьем и паевым взносом и что отправился он в это путешествие исключительно „ради жены и детей“. Трэмболл попутно рассказывает, что и другие служащие не составляют в этом отношении исключения, располагая большими капиталами и ведя широкий образ жизни.

Становится совершенно понятным то озлобление, какое вызвал против себя Эндрию Трэмболл на кораблях и в факториях. Против него выдвигались обвинения в жестоком обращении с подчиненными, в пьянстве, даже в убийстве судового врача. От него пытались всячески отделаться, временно устранили от командования, когда Фрэнсису Дэю понадобилось предпринять непредусмотренную инструкцией поездку в Транкебар. Когда корабль вернулся оттуда в Мадрас Трэмболла восстановили в должности командира „Hopewell“, но Фрэнсис Дэй и значительная часть экипажа категорически отказались ехать с ним дальше, опасаясь за свою жизнь. Насколько справедливы были обвинения против „мастера“, сказать трудно; последний отрицал их по всем пунктам, за исключением лишь одного: когда он узнал, что штурман Хилл в разговорах называет его „шотландским псом“ и постоянно твердит, с какой, мол, стати они должны подчиняться шотландцу, то он Эндрию Трэмболл „вытащил кое-что, дабы обуздать его (Хилла) язык“<sup>1)</sup>. Трэмболла в конечном итоге лишили командования и он отправился в Англию на корабле „Мария“ уже в качестве простого пассажира, прибыв домой в 1644 г. Фрэнсис Дэй вернулся значительно позднее. Комитету пришлось долго разбираться во взаимных обвинениях противников. Фрэнсису Дэю не удалось полностью оправдаться, так как факт нарушения правил о частной торговле был налицо, но руководители Компании отнеслись к нему сравнительно мягко, ограничившись конфискацией его паевого взноса в 500 фунтов<sup>2)</sup>. Что касается крутого нравом шотландца, то его действия не вызвали никакого порицания; жалованье ему уплатили сполна и дали ему новое назначение командовать вновь построенным кораблем „Сокол“, которое в числе других судов в начале апреля 1645 г. отправилось в Индию. Характерно, однако, отметить, что и на этот раз Эндрию Трэмболл, пробывши в должности командира около 6 лет,

<sup>1)</sup> Ibidem, p. 102—105.

<sup>2)</sup> The Court Minutes etc. vol. III, p.p. 29, 67, 126, 127, 135, 170.

навлек на себя такие же обвинения в тирании, пьяных дебошах, но кроме того (на чем особенно настаивали местные агенты), и в незаконной частной торговле. Не лишне указать, что в числе обвинителей был тот же Фрэнсис Дэй, успевший за эти годы упрочить свое положение. Однако, Комитет Компании и в 1652 году проявил к Трэмболлу большую терпимость, оставшись глухим к рассказам о его „дурном характере“, но зато вменив ему в особую заслугу его донесения „о частной торговле и других непорядках в Индии“. Во имя этих заслуг за незаконный провоз приватного товара ограничились незначительным взысканием <sup>1)</sup>.

Это обстоятельство позволяет и нам с доверием отнестись к той картине „частного накопления“, какую обрисовал в своих донесениях злополучный „мастер“ Трэмболл, тем более, что для нашей задачи не имеет особого значения, насколько были справедливы обвинения против отдельных лиц. Из рассказов шотландца становится во всяком случае очевидным, что в отношении частной торговли с точки зрения монопольных прав Компании дело обстояло крайне неблагоприятно. В подтверждение этого можно было бы привести длинный ряд случаев, не менее ярких и красочных, чем вышеописанный, но для нас будет вполне достаточно, если мы сошлемся на резюмирующие заявления самих руководителей Компании. В письме к Президенту и Совету в Сурате от 29 марта 1644 г. Компания подтверждает прежнее свое сообщение о том, что в связи с тревожным положением дома и почти столь же бедственным состоянием большинства иностранных государств, торговля всюду пришла в расстройство и цены низко пали. Что можно сделать в таких условиях, сказать трудно, но члены Компании преисполнены желания, чтобы торговля продолжалась и не погибла бы в конец. „Мы приняли решение развивать дальше торговлю с Индией... несмотря на то, что в оппозиции и обескураживающих обстоятельствах у себя дома мы не терпим недостатка, как со стороны тех, кто уже являются нарушителями наших прав, так и тех, которые собираются утеснить нас. И с ними у нас происходит не мало раздоров“. По поводу плохой торговли сукном — в том же письме мы находим такое объяснение: причина плохого состояния суконного рынка заключается не столько в грубом качестве сукна, сколько „в конкуренции частных торговцев. Имена последних должны быть сообщены для того, чтобы Компания могла привлечь их к ответственности, раз факторы не хотят этого сделать“ <sup>2)</sup>.

Отдельные случаи нарушения привилегий Ост-Индской Компании, нашедшие отражение в наших документах, еще не дают полного представления о „частном накоплении“ в том объеме, какой имел место в действительности, но мы все же в праве сказать, что в 40-х годах XVII века это уже не отдельные и разрозненные случаи, а массовое явление, не простая совокупность фактов, а стихийно развертывающийся процесс, теснейшим образом связанный с теми „disturbances at home“, на которые постоянно жалуются руководители Компании, представители крупного капитала Англии. Нам уже пора поставить перед собой вопрос, который сам собою напрашивается, как только мы попытаемся суммировать наши разрозненные наблюдения над этим процессом. Какова же связь этого явления с бурными событиями революционной эпохи и какие новые черты внесла гражданская война в то частное колониальное предпринимательство, которое происходило

1) Ibid., p.p. 29, 32, 46, 67, 80, 170; vol. IV, p. 123, 128, 147, 155, 158.

2) The English Factories in India, vol. VII, p. 171-176.

и раньше — в течение первой половины века, когда дела Ост-Индской Компании были в лучшем состоянии?

Несомненно, что уже появление с 1635 г. конкурирующей ассоциации „сквайров“, как обычно стали называть объединение Куртена и других фаворитов Карла I—имеет самое непосредственное отношение к предреволюционным событиям и органически с ними связано. Но это была начальная стадия процесса, поставившая под сомнение нерушимость монопольных прав крупнейшего торгово-капиталистического объединения Англии. Первые годы гражданской войны значительно расширяют рамки этого процесса, создав благоприятную атмосферу для развития частного предпринимательства. „Смутные времена“, затруднявшие дальнейший рост крупного организованного капитала, открывали широкие перспективы для неорганизованного частного накопления, и мы видели выше, как из отдельных случаев „private trade“ слагался массовый процесс. Развитие классовой борьбы в ходе революции неминуемо должно было отразиться на этом процессе не только с количественной стороны. Правда, присматриваясь к отдельным героям „частного накопления“, в первые годы гражданской войны мы еще не чувствуем на них воздействия революции, да и трудно было бы ожидать, чтобы эта пестрая в социальном отношении компания, раскиданная по островам и побережьям Индийского океана и поглощенная делом накопления, питала особую склонность к партийному самоопределению вдали от мятущейся родины. Но по мере того, как развивались события внутри королевства, каждая новая волна торгующего люда отправлялась в далекое и опасное плавание уже с более оформленными настроениями. И уже в 1644 году „домашние расстройствa“ нашли себе яркое и своеобразное отражение на колониальной периферии по другую сторону экватора. Мы имеем в виду похождение „мастера“ корабля „Джон“ Мёкнелла (Mucknell), передавшегося со своим судном на сторону короля. Этот драматический эпизод, знаменательный и сам по себе, чрезвычайно любопытен в своих подробностях, и нам необходимо на нем остановиться <sup>1)</sup>.

6 апреля 1644 г. из Довера отправились в путь три корабля Ост-Индской Компании „Благословение“ („Blessing“), „Криспиана“ и „Джон“. Командиром последнего был назначен Джон Мёкнелл, сравнительно недавно получивший повышение из помощников капитана. В качестве факторов на этом судне стали — Эдвард Кнайп, давний служащий Компании, передавший одно время на сторону Куртена, но потом вернувшийся на свою старую службу, и Генри Гарри — ирландец, родившийся в Венеции, опытный и сведущий коммерсант, „Skilful in accounts and languages“, как его аттестует Компания; в качестве помощников к ним были прикомандированы Джон Бёрнелл, купец с большим опытом, и Генри Хэнт, молодой человек, еще только начинавший коммерческую карьеру. Главному фактору Кнайпу и его заместителю Гарри было предписано всемерно препятствовать частной торговле и конфисковывать контрабанду. У европейских берегов названные суда имели попутчиками до сорока чужих кораблей и благополучно миновали места, кишевшие пиратами. Вступив в океан и убедившись в том, что „Blessing“ задерживает остальные два судна, решили у Канарских островов предоставить его собственной судьбе.

<sup>1)</sup> Приводимый дальше рассказ представляет сводку различных донесений, напечатанных в vol. VII, издания „The English Factories in India“, см. p.p. 175, 194 — 197, 198 — 199, 238 — 243, 261 — 265.

Продолжая дальнейший путь вдвоем „Криспиана“ и „Джон“ 16 мая встретили в океане корабль Куртена — „Loyalty“, державший путь на Мозамбик. По совету Кнайпа решено было во что бы то ни стало упредить своего конкурента, но так как „Криспиана“ значительно уступала по быстроходности „Джону“, то согласились на том, что „Джон“ разовьет максимальную скорость и заедет на Мозамбикский берег, а „Криспиана“ отправится по прямому направлению в Сурату, с тем чтобы у острова „Иоганна“ вновь встретиться и прибыть к месту назначения (т.-е. в Сурат) вместе. Корабли расстались. „Криспиана“ застала у о-ва „Иоганна“, два других корабля Компании „Дельфин“ и „Норвелл“ и не дождавшись „Джона“ вместе с ними направилась в Сурат.

Между тем на корабле „Джон“ разыгралась целая драма, главным героем которой был командир Джон Мёкнелл. Насколько можно судить по донесениям и показаниям очевидцев между ревниво оберегавшим свои права „мастером“ судна и зорко следившим за ним фактором Кнайпом уже с самого начала установились натянутые отношения. Это, однако, не помешало первому горячо поддержать Кнайпа в его намерении совершить диверсию на Мозамбикский берег. Прибыли они туда 11 августа и завели оживленную торговлю с португальцами. Предполагали здесь особенно не задерживаться, чтобы к назначенному сроку встретиться у о-ва „Иоганна“ с „Криспианой“. Но Мёкнелл и не думал спешить, проводя время в дебошах и выражая явное нежелание ехать на упомянутый остров. Факторы во главе с Кнайпом все же настаивали на отъезде и послали ему письменный приказ об этом. Мёкнелл пришел в неистовую ярость и заявил, что он „не желает получать приказа от Джека Строу и Уота Тайлера“, но все же от Мозамбикского берега отчалил, объяснив при этом, что он еще до предписания факторов решил это сделать и распорядился наладить паруса. На борт судна были приняты португалец с семейством и свитой около 30 человек. Когда прибыли на остров „Иоганна“ у Мёкнелла созрело уже какое то решение, но наружно он искал примирения с Кнайпом. И под этим именно предлогом он еще во время пути подговаривал четырех купцов, трех своих помощников, священника, врача, боцмана, плотника и пушкаря по прибытии сойти на берег, где он устроит для них богатую пирушку. Намерение свое „мастер“ выполнил, и 29 августа на о-ве „Иоганна“ шла попойка, во время которой Мёкнелл незаметно для других исчез и отправился на борт судна. Его напрасно ждали до захода солнца, а когда подошли к берегу то к изумлению своему увидели, что корабль готов к отплытию<sup>1)</sup>.

Вернувшись на судно Джон Мёкнелл созвал всю команду на палубу и приказал поднять руки вверх; затем он распорядился, чтобы часть команды вооружилась мушкетамы, пиками и мечами и чтобы пушка была наготове. Португальцы были высажены на берег, и тогда по приглашению Мёкнелла все собрались в большой каюте. Выпив залпом кубок вина командир обратился к присутствующим с такой речью: „Джентльмены, я имею вам нечто сказать и буду краток. Мистер Кнайп угрожал вышвырнуть меня с корабля, когда приедет в Сурат. Я всегда считал вас способными и честными товарищами и вы находили во мне поддержку. Поэтому я надеюсь, что вы

<sup>1)</sup> Наиболее полный отчет о том, что произошло на „Джоне“, мы узнаем из показания мичмана Генри Брюстера, впоследствии сбежавшего от мятежного командира и доставившего первые вести в Лондон, а также из рассказов Бартоломея Говарда (одного из помощников „мастера“) и Томаса Бекингэма.

не допустите такого обхождения со мною". Все заявили, что будут стоять за него до конца своей жизни. „Тогда слушайте, продолжал Мёкнелл, я захватил корабль „Джон“ для короля и завтра, как только мы отчалим от острова вы получите по 100 реалов каждый. Кроме того мы вскроем сундуки португальцев и купцов и установим, сколько денег и ценностей находится на судне. Тогда вы получите  $\frac{2}{3}$ , а король  $\frac{1}{3}$  и корабль. Затем мы высадим этих черных (т.-е. невольников, находившихся на судне) на Коморских островах, а сами отправимся к берегам Красного моря, чтобы поискать добычи среди джонков. После этого мы отправимся в Англию... Я такой человек, что должен держать ответ за вас и даже принять смерть за всех вас". Вынув меч, командир при этом добавил, что всякому, кто дерзнет итти наперекор ему, он отрубит голову и вышвырнет за борт, а если кто запросится на берег вплавь или на лодке, он прикажет стрелять ему вдогонку. Двое таких смельчаков нашлось: Джон Пирс и Ричард Кларк изъявили намерение сойти на берег, но Мёкнелл обозвал их „кругоголовыми псами“ и пригрозил им отсечь головы, если только они дикнут хоть одно слово.

При попутном ветре корабль „Джон“, управляемый мятежным командиром двинулся в путь. Когда проходили Коморские острова Мёкнелл оставил мысль о пиратской прогулке у берегов Красного моря, так как, по словам Брюстера, не вполне был уверен в умонастроениях всей команды. Он ограничился тем, что продал на о-ве св. Христофора невольников, водку и сукно и погрузил на корабль „табак для Англии“. На дальнейшем пути встретили судно Куртена — „Томас и Джон“ и насильно забрали с него порох, фитили, свечи и королевские флаги. На пути к о-ву св. Елены, предполагалось взять курс на запад по направлению к Караибским островам, чтобы собрать сведения о положении дел в Англии, но и это намерение было оставлено. Корабль повернул прямо к европейским берегам достигнув Бристоля в середине января 1645 г., который в то время уже был осажден парламентскими войсками под командой Ферфакса. В рассказе Бёкингема мы находим следующие подробности дальнейших событий. Мёкнелл был приглашен к королевскому адмиралу сэру Джону Пеннингтону, который приветствовал его и выразил ему благодарность за добрую услугу королю. Ценности, привезенные на корабле, были переданы адмиралу, при чем Джон Мёкнелл стал просить разрешения вновь отправиться в Индию, обещая, что за 16—18 месяцев путешествия он будет добывать для короля по 1000 фунтов в день. „Зачем же вам ехать обратно, изумился адмирал, ведь если суда Компании захватят вас, то вы погибший человек навсегда; да и помимо того король больше нуждается в вас дома, у английских берегов“. Мёкнелл заявил о своей готовности служить королю и рисковать своей жизнью до конца. В Оксфорд к Карлу I был послан гонец с донесением о случившемся и с запросом, как надлежит вознаградить доблестного и лойяльного капитана за его службу. Какую именно награду получил Мёкнелл — не совсем ясно, но сам себя он именовал „сэром Джоном Мёкнеллом“. Во время одной из попок вместе со своей командой он гордо заявлял: „Я государь на море. Я самый гордый человек на земле. Я англичанин и если бы мне нужно было вновь родиться, я родился бы англичанином. Я Кокней — вот моя слава“.

Такова история мятежного капитана, встающего перед нами в безыскусственных рассказах его сотоварищей, как яркая и колоритная фигура, чрезвычайно типичная для эпохи „первоначального

накопления" <sup>1)</sup>). Трудно установить на основании наших источников степень политической сознательности Мёкнелла. У него были какие-то нелады с Компанией на почве денежных расчетов, но он был не менее враждебно настроен и к Парламенту. Некоторым служащим с корабля Куртена „Томас и Джон“ он между прочим, говорил, что, передаваясь королю, он теряет 500 ф. ежегодного дохода, но если бы эта сумма была и больше, он все равно стал бы служить Его Величеству — из за тех обид, какие ему причинил Парламент. Он готов теперь все потерять, чтобы отдаться королю и надеется изрубить в куски некоторых из тех, кто состоит сейчас членами (burgese) Парламента. В отчете Томаса Бёкингема мы находим объяснение, чем именно не угодил Парламент Мёкнеллу. Однажды в его доме собралось несколько приятелей и были навеселе. Некоторые из них в разговоре называли Парламент „кругоголовыми дьяволами“, а его за это посадили в тюрьму и наложили штраф в 4 фунта с лишним.

Что касается остальных участников мятежа, то из 30 человек, оставшихся с Мёкнеллом многие подчинились силе и при первой возможности постарались сбежать и явившись в Лондон, преявили ряд доказательств своей невиновности. С другой стороны между Кнайпом и Гарри с того момента, как их бросил на острове „Иоганна“ Мёкнелл начались раздоры, при чем первый обвинял Гарри в сочувствии мятежникам. История с мятежом на корабле „Джон“ необычайно взволновала колониальную среду и из факторий посыпались в Лондон донесения официальных лиц с заверениями в их лояльности и сожалениями о случившемся. „Мы не находим слов, пишет президент Сурата Брентон, чтобы выразить, как губительно отразилась потеря „Джона“ на ваших делах в этих странах, помимо того, что вы потеряли самый корабль и то, что на нем находилось. Ваш кредит, с которым обстояло благополучно до получения вестей, в данный момент упал настолько, что в течение нескольких дней ни в Сурате ни в Ахмудабазе нельзя было достать даже сотни рупий... Многие из ваших кредиторов требуют уплаты денег“. Со своей стороны и Кнайп заверяет Компанию в своей преданности и решительно отвергает обвинения в занятиях частной торговлей <sup>2)</sup>.

„Прискорбные и неожиданные вести“ о мятеже Мёкнелла были получены в Лондоне во второй половине января 1645 г. Компанией при содействии властей прилагаются все усилия к тому, чтобы получить обратно ценности (в частности значительное количество коралла) доставленные на „Джоне“ в Бристоль. „Мятежный капитан“ в это время разгуливал на своем судне у Азорских островов и на поиски его были отправлены военные корабли под начальством капитана Свэнли, которому в случае успеха была обещана Комитетом золотая цепь стоимостью в 100 фунтов. Многих лиц из бывшей команды „Джона“ засадили в тюрьму и им пришлось собирать доказательства и свидетельские показания, чтобы снять с себя обвинение в измене. По представлению Комитета Компании, — Комитет по секвестрации

<sup>1)</sup> Изложенный здесь эпизод невольно наталкивает на одну любопытнейшую проблему, которой мы не можем заниматься в данной связи. Пиратские похождения, подобные описанному выше, явление обычное для „геронческой“ эпохи европейского капитализма и не могли не отразиться в фольклоре того времени. Богатый материал для сопоставлений дают собрания английских баллад. Кроме многотомного издания „Рокбургских баллад“ укажем на новейшие издания американского исследователя Роллинса — „Papsian Garland, black letter broadside ballads of the years 1595—1639“. 1922 и „Cavalier and Puritan. Ballads and Broad-sides illustrating the period of the Great Rebellion. 1640—1660. New York Univ. Press. 1923.

<sup>2)</sup> „The English Factories in India“, vol. VII, p. 301, 305.

конфисковал имущество Мёкнелля, но в предоставлении этого имущества Компании отказал <sup>1)</sup>:

Мы намеренно дали здесь подробный рассказ о похождениях „мятежного капитана, так как эта эпопея любопытная во многих отношениях ставит перед нами ряд проблем, чрезвычайно важных для понимания эпохи английской революции. Обращают на себя внимание следующие моменты в этой истории. Перед нами все та же почтенная компания средних и мелких предпринимателей, обслуживающая крупный капитал, но не забывающая и о собственном накоплении. Но из приведенного рассказа явствует, что это уже не безлика масса. Гражданская война и революция наложили на нее свою печать и выявила ее политический облик. В среде этого служилого люда имеется уже своя политическая ориентация и „несчастное разделение“ дома переносится на корабли, рассекающие волны далекого океана. „Кругоголовые псы“ составляли заметное большинство в этой компании. Было бы интересно ближе присмотреться к их социальному облику и проследить за их дальнейшей судьбой. Но для этого пришлось бы значительно расширить круг наших наблюдений и подвергнуть пересмотру обширный материал источников, относящихся к английскому колониальному накоплению вообще. В данном случае перед нами лишь частные и отдельные случаи, взятые из истории только одного, хотя и самого крупного колониального предприятия, но, как видим, даже и в этих частностях виден сложный и глубокий по своим дальнейшим последствиям социальный процесс.

В приведенном рассказе любопытна и другая сторона, нашедшая себе яркое отражение в фигуре „мятежного капитана“. По существу говоря, это типичный для своего времени пират, но, как видим, и пиратство в эту знаменательную эпоху выступает в обстановке английских событий с какой то „идеологией“. Трудно, конечно, сказать, в какой мере капитан Мёкнелл был искренним и последовательным роялистом. Нам приходится исходить из самого факта перехода его в лагерь короля. Если вспомнить об ассоциации „сквайров“, возникшей благодаря королевской милости и усиленно занимавшейся пиратством, если собрать и свести во-едино разрозненные факты и случаи такого же порядка, то само собою встанет вопрос о том, нет ли какой либо внутренней, органической связи между пиратством, как явлением массовым и королевским абсолютизмом, предпочитавшим пути хищнического накопления. Стоящую перед нами проблему мы не можем ставить в слишком широких и общих рамках, но применительно к конкретному моменту английской истории она имеет за собою некоторые основания.

### III.

Мятеж Мёкнелля по времени совпадает с определенным переломом во взаимоотношениях между Ост-Индской Компанией и Долгим Парламентом. Армия Кромвеля и Ферфакса уже теснила королевские войска, неуклонно расширяя парламентскую территорию. Недалек был и момент окончательной победы над Королем — и ликвидации того „несчастливого разделения“, на которое продолжает сетовать торгующий мир, — как дома так и в далеких колониях. Несмотря на все, описанные выше злоключения, на огромные размеры частной торговли, на тяжести гражданской войны и постоянные перебои в торго-

<sup>1)</sup> The Court Minutes etc. vol. III, p.p. 66, 75, 76, 78, 83—84, 85—86, 88—90, 94.

вых делах, руководящие круги Компании не теряли уверенности в наступлении лучших времен. На общем собрании пайщиков 28 августа 1645 года Губернатор заявил, что „торговля сама по себе никогда не была в лучшем состоянии, но в виду отсутствия поддержки со стороны Парламента и вследствие „расстройств“ в королевстве он опасается, что люди не станут рисковать своим состоянием и поэтому необходимо тщательно взвесить, какие меры надлежит принять для того чтобы развить торговлю и не потерять ее для нации“<sup>1)</sup>. После долгого перерыва, вызываемого событиями гражданской войны, наступает новая полоса домогательств со стороны Компании заручиться от Парламента подтверждением своих монополий на Ост-Индскую торговлю. В конце 1645 г. делается новая попытка договориться с ассоциацией Куртена. Представители обоих конкурирующих объединений были приглашены на заседание Парламентской Комиссии, где член ассоциации „сквайров“ Томсон заявил, что если он и его друзья соединятся с Компанией, то Парламент с своей стороны должен оказать всяческую поддержку этому делу — и издать соответствующий „ordinance“. Губернатор Компании добавил при этом, что в постановлении Парламента должны значиться следующие пункты: Компания есть корпорация, которой предоставляется исключительное право торговли в Азии по ту сторону мыса Доброй Надежды и насаждения плантаций на Мадагаскаре и других местах; в целях борьбы с частной торговлей Компании предоставляется право конфискации всех товаров, погруженных без надлежащих разрешения и запрещения доступа посторонних лиц на ее суда<sup>2)</sup>.

Переговоры по поводу подтверждения привилегий Компании шли хотя и не без успеха, но все же довольно медленно, так как „другие великие дела в государстве препятствовали“ палате общин вплотную заняться этим вопросом, как объяснил Губернатор на общем собрании 4 сентября 1646 г. Наконец — в декабре того же года долго жданный „An Ordinance of Parliament to uphold the Trade and settle the Government of the East India Company“, — прошел через Палату Общин. Парламент заявляет о необходимости образования нового капитала, для чего рекомендует объявить подписку на него по всему королевству<sup>3)</sup>. Доброжелательство, проявляемое Нижней Палатой настолько обнадежило Компанию, что на ее заседаниях совершенно реально встал вопрос о возвращении к системе единого капитала взамен отдельных путешествий. В меморандуме представленном в Палату Лордов — указывалось, что торговля с Ост-Индией ведется в 14 отдельных государствах, что Компания имеет там 23 фактории, 92 фактора, 24 корабля и что поддерживать такое обширное предприятие мыслимо только при наличии единого капитала<sup>4)</sup>.

Однако Компанию ожидало жестокое разочарование. На общем собрании 19 марта 1647 года Губернатор заявил, что по полученным из Сурата сведениям „дела в Индии идут очень хорошо и без затруднений“ и что все теперь зависит от поддержки государства, но здесь то и оказалась задержка, так как Палата Лордов отвергла „Ordinance“, прошедший через Палату Общин. Вставал вопрос о ликвидации дела

<sup>1)</sup> Ibidem, p. 95 — 94.

<sup>2)</sup> The Court Minutes etc., vol. III, p. 115 — 116.

<sup>3)</sup> ibidem, p. 162 — 164.

<sup>4)</sup> ibidem, — 176—178. Здесь „Ordinance“ напечатан полностью. В настоящем очерке мы не касаемся финансовой истории Компании этого периода. См. об этом у Scott'a указ. соч. vol. II, p. 117 и дальше.

<sup>5)</sup> The Court Minutes etc., vol. III, p. 187 — 189.

или во всяком случае значительного его сокращения. Через несколько дней на заседании Комитета специально обсуждался вопрос о сокращении факторий и штатов служащих в них и наведении режима экономии <sup>1)</sup>. Но между Палатой Общин и Компанией уже установились довольно близкие и прочные отношения, благодаря которым агитация за „Ordinance“ энергично продолжалась. Одновременно с этим возбужден был и другой вопрос — о возмещении убытков, понесенных Компанией от Голландцев в прежние времена и возвращении острова „Пуло-Рун“. Комитет заготовил ряд петиций по этому вопросу для передачи их „друзьям в Палату Общин“.

Мысль о создании единого капитала не покидала руководителей Компании, но в виду того, что с Палатой Лордов дело обстояло довольно безнадежно и попытки пересмотра ее решения ни к чему не приводили, в конечном итоге остановились на проекте организации „Второго отдельного Путешествия“, ликвидировав все предыдущие предприятия. Был избран специальный Комитет и приняты были энергические меры к привлечению в Компанию не только крупных пайщиков, но и широкие массы мелких держателей. Лицам, находившимся вдали от Лондона или не успевшим по каким-либо причинам воспользоваться установленными сроками, — предоставлялись льготные отсрочки <sup>2)</sup>. В этих мероприятиях, подсказанных неудачами с получением Парламентской Хартии, — нельзя не видеть, не вполне, может быть, осознанного намерения парализовать частное предпринимательство приманкой законного дивиденда и вовлечения его в орбиту крупного капитала и организованного накопления. Не менее характерна и другая черта в политике Ост-Индской Компании данного периода революции. Она проявила особое внимание к членам обеих Палат, широко оповестив их о новой подписке и установив для них специальные льготные сроки. Расчет был совершенно ясный и не составлял секрета. На заседаниях Компании прямо говорилось, что „парламентские люди“ сделавшись участниками предприятия, проявят больший интерес к делам Компании и тогда будет „больше возможностей и для утеснения частной торговли“. Палата общин, где было много оплачиваемых „друзей“ выразила даже благодарность Компании за предоставление льготных сроков и всячески поощряла своих членов к участию во „втором Путешествии“ <sup>3)</sup>.

Но тем временем английская революция вступала в новую фазу и руководящая роль в дальнейших событиях переходила от Долгого Парламента к революционной армии, в основной массе которой были и те социальные элементы, из которых слагалось и обрисованного выше частное накопление“. Установившийся тесный контакт между руководителями Комитета или иначе, избранниками крупного капитала и пресвитерианским Парламентом, находившим себе опору в Сити мало импонировал индепендентской Англии, выступавшей на историческую сцену, как вполне оформившаяся социальная сила.

Если еще в 1644 году, когда разыгралась драматическая история с капитаном Мёкнеллем на островах Индийского Океана, — „корабельная чернь“ шла на поводу у командиров и служащих высшего ранга, то в 1647 году она уже имеет свое политическое лицо даже в тех случаях, когда речь идет об участии в торговых прибылях. Невольно напрашивается одно любопытное сопоставление. В марте

<sup>1)</sup> *ibid.*, p. 196 — 199.

<sup>2)</sup> *The Court Minutes etc.*, vol. III, p.p. 209 — 210, 212 — 214, 218.

<sup>3)</sup> *ibid.*, p. 222.

1644 г. на заседании Комитета Компании возник спор, как быть с принятием „Национального Ковенанта“. По существу речь шла о принесении присяги революционному правительству и Долгий Парламент обязал каждого англичанина, имеющего свыше 18 лет эту присягу принести. Но большинство Комитета решило этот вопрос по своему: раз главные служащие („the chief officers“) приняли Ковенант, то для „maginers“ уже нет в этом необходимости <sup>1)</sup>. И в отношении последних требование Парламента осталось невыполненным. „Народ безмолвствовал“ и ответственность за его политическую лояльность брали на себя „the chief officers“ и Комитет Компании. Проходит несколько лет, наступает 1647 год. За это время произошли резкие классовые расслоения, оформились новые партийные группировки, и „народ“ заговорил — и его голос проник в стены „East-India House“, где обсуждались вопросы об организации „второго путешествия“. На общем собрании пайщиков 1 сентября вдруг было заявлено, что некоторые из участников предприятия отказываются принести установленную присягу на том, де, основании, что „в присяге упоминаются такие вещи, которых, по их мнению, нельзя от них требовать“. Заявление это настало исполнено руководителями, что было выделено несколько членов Комитета для переговоров с несогласными („dissenters“). В числе последних были лица и высшего ранга, напр., Эльдермен Эндриюз, один из лидеров парламентских радикалов, приверженец Крюмвеля, но несомненно были и люди скромного достатка, но более радикально настроенные. Одна часть „диссентеров“ во главе с Эндриюзом предлагала компромиссную формулу присяги, в которой выражение верноподданнических чувств к „королевскому величеству“ было опущено, так как такую присягу они в свое время давали и не считают нужным ее повторять. Другую часть несогласных подобный компромисс не устраивал и они готовы были скорее отказаться от участия в деле, чем принимались „the ancient oath“, хотя и видоизмененную. В конечном итоге большинство согласилось подписать „контракт“ вместо принесения присяги, но они все же не были допущены в качестве „freemen“ (полноправных членов) и вступительные взносы по 5 ф. с каждого были им возвращены <sup>2)</sup>. На основании кратких протокольных записей трудно взглянуть в социальный облик наиболее радикальных „диссентеров“. Вспомним, однако, что в это время Лондон находился уже во власти армии, а в среде последней шли оживленные дебаты на политические темы. Многие из кромвелевских солдат бывали в Индии и несомненно были втянуты в процесс мелкого предпринимательства <sup>3)</sup>. Есть указания правда, более позднего времени, помогающие уяснить рассматриваемый эпизод с принесением присяги. В 1657 году когда Ост-Индская Компания получила, наконец, долгожданную хартию и была объявлена подписка на объединенный капитал, пришлось вновь столкнуться с нежеланием группы пайщиков — принести установленную присягу. Джон Эвелин, бывший свидетелем этого инцидента заносит в своем днев-

<sup>1)</sup> The Court Minutes etc. vol. III, p. 17.

<sup>2)</sup> ibidem, p. p. 221, 222, 223, 236.

<sup>3)</sup> См. Khan, The East India Trade — in the XVII Cent London 1923, p. 82. Указание на прикосновенность кромвелевских солдат к Ост-Индской торговле мы взяли у данного автора. Было бы чрезвычайно важно произвести разведки по этому вопросу. В частности необходимо детальнее изучить — замечательный архив Кларка — „Clarke Papers“, далеко еще в полной мере не использованный исследователями, которые обращают внимание только на одну сторону левеллерства — их уравнилельные принципы и враждебное отношение к монополистам. См. Firth, Cromwell's Army и его же предисловие к Clarke Papers. Срв. Hoch, English Democratic Ideas in the XVII Cent.

нике под 26 ноября этого года: „Прибыл в Лондон на заседание Ост-Индской Компании... Здесь произошли крупные раздоры из-за того, что анабаптисты соглашались стать пайщиками только по договору, — без принесения присяги рассчитывая на то, что они еще станут заниматься частной торговлей“<sup>1)</sup>.

Разумеется, на основании приведенных косвенных указаний нет возможности высказать категорическое суждение, но на этих частности и мимолетные эпизоды мы не можем смотреть иначе, как на отражение сложного процесса социальной перестройки Англии в решающий период ее истории. Этот процесс еще не ясен нам не только в деталях, но и в основных своих разрезах и полагаем, что изучение ост-индского вопроса прольет некоторый свет и на эту еще более сложную проблему. Социальный состав основных партийных группировок революционной Англии был достаточно пестрым, но можно считать несомненным, что он включал в себя и ту массу деятелей „частного накопления“, о которых говорилось выше. Эпизод с присягой во всяком случае подтверждает сделанное нами наблюдение, что в связи с развертыванием классовой борьбы стихийный поток мелкого неорганизованного накопления в рассматриваемые годы принимает более отчетливые очертания. Быть может приведенных случаев и недостаточно, для того, чтобы сделать убедительным выставленные нами положение, но если поставить их в связь с последующими фазами этого процесса, выразившимися в новом походе на монополистов во имя равенства и „свободы торговли“, то самая постановка этой проблемы будет вполне оправдана.

Возвращаясь к судьбам Ост-Индской Компании, мы можем уже с полной уверенностью сказать, что ставка на Долгий Парламент при новой политической ситуации была по меньшей мере запоздалой. Он уже не был решающим фактором в головокружительном ходе событий, на смену ему приходил новый хозяин, выразитель интересов тех социальных кругов, которые были враждебно настроены к монополиям крупного капитала. Протоколы этого периода достаточно ясно рисуют ту обстановку, в которой протекала деятельность Ост-Индской Компании. Летом 1647 г. когда Кромвелевская армия подвигалась к Лондону вела бесплодные переговоры с парламентскими лидерами по вопросу о сокращении военных контингентов, Комитет усиления хлопотал перед „друзьями“ в Нижней Палате об издании „Ordinance“. Эта идиллия время от времени нарушалась отголосками того возбуждения, какое царило в Лондоне. На заседании 30 июля 1647 года дается информация, что „в виду смут, происходящих внутри и вне города“, корабль Компании „Дельфин“ вынужден постоять некоторое время в Лейх или Тильбери-хоп<sup>2)</sup>. Через несколько дней, а именно 4 августа т.-е. почти накануне занятия Лондона войсками Кромвеля—поступает новое сообщение о том, что казначей отказывается принимать деньги за товары, купленные у Компании в виду „опасных времен“ („in regard of the dangerousnesse of the tymes“). Осторожному казначею предложено было причитающиеся с покупателей суммы все же взимать, но только предупредить их, что товары свои они должны забрать со складов, а если оставят то за собственный риск, так как Компания не возьмет на себя ответственности за них<sup>3)</sup>. „Опасные времена“ не помешали Компании поддерживать

<sup>1)</sup> The Diary of John Evelyn. London. E. Frederick Warne (в серии The Chandos Classics), p. 254.

<sup>2)</sup> The Court minutes efl. vol. III, p. 215.

<sup>3)</sup> Ibidem, p. 216.

деятельные сношения с парламентскими людьми и готовить „второе путешествие“ и только эпизод с присягой, в общем благополучно улаженный, внес небольшое замешательство в деловую жизнь предприятия. Вот и все намеки на происходящие события, какое нашли себе отражение в Протоколах 1647 года, как всегда скупых на слова и заполненных деловыми будничными вопросами. Более непосредственный и живой отклик находила современная политическая действительность в ост-индских факториях. „Мы очень признательны Вам, пишут оттуда 10 мая 1647 г., за сообщенные новости и разделяем Ваши надежды на то, что быть может по милосердию всемогущего положение нашей несчастной (deplorable) страны укрепитя и король и королевство—оба вновь возрадуются в счастливом и цветущем мире“<sup>1)</sup>. Знакомый уже нам Эдвард Кнайп— вместе с другими факторами 19 июля 1647 г. сообщает из Агры президенту Сурата: „По слухам, полученным от французского патера, Король заключил невыгодный мир с Парламентом, просим подтверждения; хотя этот (мир) и невыгоден для него (что весьма вероятно), но зато он обильно (abundantly) уравновешен выгодами для королевства“<sup>2)</sup>. Вторая гражданская война, происходившая в 1648 году в связи с восстаниями роялистов точно также нашла слабое отражение в Протоколах Компании. 6 июня Комитет распорядился, чтобы в связи с „волнениями в Кенте“ были отправлены два всадника и мушкетеры сопровождать баржи для большей безопасности<sup>3)</sup>. 14 июня обсуждается более серьезное затруднение, вызванное восстанием в парламентском флоте. В виду этого король „Вильям“ не мог двинуться в путь. Некоторые высказывались за то, чтобы направить корабль вокруг Шотландии, но в конце концов остановился на том, чтобы отправку судна отложить до первого благоприятного случая<sup>4)</sup>.

Решающие события конца 1648 и начала 1649 г. не оставили никакого следа в протокольных записях. Руководителей компании больше всего волновали грандиозные размеры частной торговли, в которой оказались повинны ответственные лица в факториях. Только в протоколе от 7 февраля мы находим указание на „великие дела“, проводимые Парламентом. Фактории и на этот раз более непосредственно отозвались на потрясающие вести с родины. Факторы, находившиеся в Персии—в письме от 21 ноября 1649 г. пишут в Лондон следующие строки: „Какое влияние окажет на здешнего Императора (шаха персидского) и знать эта трагическая история казни нашего Короля, покажет будущее, но позвольте выразить Вам наши опасения, как бы не показался им этот поступок с высокой особой столь гнусным (пока они знают только то, что король наш убит), что они и ваших служащих и нацию сочтут „самой презренной и недостойной и отступят от Вашей милости“, лишая прежних привилегий... „Мы рады слышать о благословенном устройении Церкви и государства; да процветет в мире и полноте благ всемогущего наше бедное несчастное королевство“<sup>5)</sup>.

Победа революции и упразднение монархии открывало перед английским крупным капиталом новые и широкие перспективы, но в 1649 году они были еще заслонены сложными вопросами текущего дня. Приходилось еще оглядываться назад на пройденный путь и при-

<sup>1)</sup> The English Factories in India — vol. VIII (1646 — 1650), p. 128.

<sup>2)</sup> Ibidem, p. 140.

<sup>3)</sup> The Court minutes etc. vol. III, p. 273.

<sup>4)</sup> Ibidem, p. 274.

<sup>5)</sup> The English Factories in India, vol. III, p. 269.

способляться к новой и неожиданной обстановке. Ост-Индская Компания как бы стояла на распутье — в этот знаменательный год, Карл I сложил голову на эшафоте, не выполнив своих долговых обязательств перед Компанией. Характерно, что в марте месяце вновь всплыла история с „перечным долгом“, промелькнув, как мимолетный эпизод на фоне более важных событий. Усердием помощника шерифа м-ра Колкотта — был пойман и посажен в тюрьму один из поручителей Короля Макссуэлл, располагавший богатыми поместьями в Шотландии. Компания не сочла однако возможным делать его „козлом отпущения“ за всех поручителей и ограничилась предъявлением к нему иска в 10.000 ф., вознаградивши при этом и названного помощника шерифа „за понесенные труды и беспокойства“<sup>1)</sup>. Материальное положение Компании, несмотря на острый недостаток в монете и чудовищные размеры контрабандной торговли, — нельзя было назвать критическим. В конце июля из Ост-Индии прибыла целая флотилия из семи кораблей с большим количеством товара и Комитет настолько был окрылен радужными перспективами, что отпраздновал это событие торжественною проповедью в церкви и обедом по подписке в „Таверне Большого Джемса“<sup>2)</sup>.

Но все эти печальные и радостные случаи отступали на задний план перед теми сложнейшими проблемами, какие вновь вставляли перед Компанией в связи с установлением в стране прочного государственного порядка. Это были все старые проблемы, унаследованные еще от дореволюционного времени: конкуренция голландцев и возмездие за их давние „обиды“, конкуренция домашняя в лице ассоциации „сквайров“, катастрофические размеры „private trade“, свившей себе гнездо в недрах ост-индских факторий. Все эти и другие больные вопросы упирались однако в кардинальную проблему — обеспечения монопольных прав Компании Новой Хартией. Борьбой за Хартию и реальную поддержку государственной власти и определяется содержание нового периода в истории Ост-Индской Компании, совпадающей с периодом Протектората. За эти 10 лет окончательно оформился и тот процесс „накопления“, развитие которого мы проследили за предыдущее десятилетие. Мы еще не вправе подводить итоги нашим наблюдениям — но мы уже имеем возможность это выделить для дальнейшего изучения ряд тех проблем, какие неизбежно встают перед исследователям уже при сделанном нами предварительном рассмотрении данного материала.

Изучение Ост-Индской торговли в эпоху английской революции подводит нас к основному и чрезвычайно важному вопросу о тех социальных сдвигах, какие непосредственно связаны с ходом революции. На протяжении всей эпохи торгового капитала идет перестройка общественных отношений, унаследованных от феодализма и образо-

<sup>1)</sup> The Court Minutes etc. vol. III, p. 321. Ему было постановлено выдать 30 фунтов, а если он этим не удовлетворится то прибавить еще 10 ф.

<sup>2)</sup> Ibidem, p. 337, 347, 348. На Заседании 1 августа губернатор сделал такое заявление: „В признании великой милости божией, выразившейся в благополучном прибытии домой семи кораблей Комитет полагает, что министру Терри надлежит в церкви Св. Андрея произнести благодарственную проповедь, а затем состоится обед в таверне Большого Джемса, что на Епископской улице. И на нем должны присутствовать 24 члена Комитета Единого Капитала, Комитет Отдельного Путешествия, 7 командиров, М-р Бекер и М-р Айву. Взнос по 10 шиллингов на покрытие издержек“.

По этому случаю нашелся и поэт — некий Фрэнсис Леитон, — воспевающий в поэме прибытие судов. Ему было постановлено уплатить 3 фунта но предупредить при этом, — что Компании не очень понравились его фантазии, что поэмы печатать он не должен, а на будущее время ему надлежит воздержаться от составления стихов по поводам которые имеют какое-либо отношение к Компании“.

вание новых социальных групп. На английской почве этот процесс особенно ярко протекает в XVI и XVII веке, а в итоге революции к концу XVII века новая общественная формация в основном уже наметилась. Громадную роль в этом превращении полуфеодального общества в буржуазное несомненно принадлежит периоду Великой Революции. В этот период процесс „первоначального накопления“ теснейшим образом связан с оформлением социальных группировок буржуазного типа, но различных степеней. Эпоха, рассмотренная нами в настоящем очерке тем в особенности интересна, что мы застаем этот процесс еще в начальной стадии, когда легче разглядеть в нем отдельные его фазы и выделить отдельные социальные слои, определявшие партийные группировки революционного времени. Не забудем, что в историографии английской революции это до сих пор темная и неразрешенная проблема. Материал, использованный нами и касающийся только одного из капиталистических предприятий, — при всей своей ограниченности слегка приоткрывает завесу над этой загадкой. Сделанные нами выше сопоставления по вопросу о частном накоплении явно недостаточны для разрешения этой проблемы, так как описанное явление гораздо сложнее и шире, но они дают основание поставить самый вопрос о социальном составе индустриализации и левеллерства, подвергнуть пересмотру весь доступный нам материал источников, подойти к нему под определенным углом зрения. Изучение данной проблемы требует и особой методологии. Едва ли когда либо нам удастся подойти к указанному процессу во всеоружии точных методов, прибегнув к статистическому подсчету. Социальный облик эпохи находит себе наиболее яркое отражение в памфлистах, публицистике, газетах того времени и в большом количестве разрозненных случаев, эпизодов, отдельных биографий, различных „человеческих документов“, крупными рассеянных в источниках самого разнородного характера.

Изучение Ост-Индской проблемы ставит перед нами задачи, далеко выходящие за пределы вопросов, касающихся развития Ост-Индской торговли, но рассмотренный нами материал — проливает особенно яркий свет на развитие крупнейшего капиталистического предприятия Англии XVII в. С этой более узкой точки зрения сделанные нами наблюдения помогут в дальнейшем выяснить ту социальную подпочву, на которой вновь разгорелась борьба вокруг вопроса о свободе торговли. Но и здесь мы находимся только в начале трудного и долгого пути. И здесь необходимо привлечь более обширный и разнородный материал, рассмотреть намеченные вопросы в более широком хронологическом охвате и только тогда станет более ясной социальная сторона Ост-Индского накопления и удельный вес Ост-Индской торговли в общем процессе английского первоначального накопления<sup>1)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Эти вопросы будут более детально освещены в последующих наших очерках. На ряду с выяснением вопроса об удельном социальном весе Ост-Индской торговли и было бы крайне необходимо произвести подобную же разведку и в отношении английской суконной торговли.